

Р. М. Баллантайн

Коралловый остров

Мировая книжка

Роберт Баллантайн
Коралловый остров

«ЭНАС»

1857

УДК 82-3
ББК 84-44

Баллантайн Р. М.

Коралловый остров / Р. М. Баллантайн — «ЭНАС»,
1857 — (Мировая книжка)

В результате кораблекрушения трое юношей – Ральф Бродяга, Джек Мартин и Питеркин Гай – оказываются на живописном необитаемом острове в Тихом океане. Другим предстоит драматические схватки с людоедами, угон пиратского корабля, спасение прекрасной девушки из рук безжалостных дикарей и множество других захватывающих приключений. Для среднего и старшего школьного возраста.

УДК 82-3
ББК 84-44

© Баллантайн Р. М., 1857
© ЭНАС, 1857

Содержание

Предисловие от издательства	6
Глава I	7
Глава II	9
Глава III	12
Глава IV	16
Глава V	21
Глава VI	24
Глава VII	28
Глава VIII	32
Глава IX	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Роберт Майкл Баллантайн

Коралловый остров

R. M. Ballantyne

The Coral Island

A Tale of the Pacific Ocean

© И. Нечаева. Перевод, 2016,

© Е. Володькина. Обложка, 2016,

© ЗАО «ЭНАС-КНИГА», 2017

* * *

Предисловие от издательства

Роберт Майкл Баллантайн (1825–1894) – известный шотландский писатель викторианской эпохи, прославившийся приключенческими повестями для юношества. Он вырос в Эдинбурге, в почтенной семье газетного редактора, поступил в Эдинбургскую академию, но окончить ее не смог. Семья неожиданно разорилась, и шестнадцатилетний Роберт, оказавшись без средств, вынужден был искать работу.

Он уехал в Канаду и в течение следующих шести лет обеспечивал свое будущее: торговал с индейцами как представитель Компании Гудзонова пролива и занимался трапперством – пушным промыслом. Впоследствии бесценный жизненный опыт лег в основу многих его произведений.

Скопив небольшое состояние, Баллантайн вернулся в Шотландию и вскоре опубликовал свою первую автобиографическую книгу «Жизнь в дебрях Северной Америки». С этого времени он полностью погрузился в литературную работу.

В 1857 году вышла лучшая его книга – «Коралловый остров». Именно она вдохновила юного Роберта Льюиса Стивенсона писать на тему морских приключений, благодаря чему на свет появился роман «Остров сокровищ».

Повесть «Коралловый остров» действительно способна вселить в юного человека жажду дальних странствий. С героями книги происходят самые захватывающие приключения.

В результате кораблекрушения трое юношей – Ральф Бродяга, Джек Мартин и Питеркин Гай – оказываются на живописном необитаемом острове в Тихом океане. Пока они обустроиваются, любуются местными красотами, учатся добывать пищу, ситуация стремительно меняется к худшему. Героям предстоят драматические схватки с людоедами, угон пиратского корабля, спасение прекрасной девушки из рук безжалостных дикарей и еще множество опасных приключений.

Я был еще мальчиком, когда на мою долю выпали описанные ниже приключения. Поскольку воспоминания о тех временах живы в моей душе, я адресую свою книгу именно мальчикам, в надежде, что она развлечет их и даст им много ценнейших сведений.

И еще одно. Если какой-нибудь мальчик или юноша предпочитает предаваться меланхолии и грусти и не любит веселье, настоятельно советую ему отложить эту книгу. Она не для него.

Ральф Бродяга

Глава I

Начало. – Мои ранние годы и характер. – Жажда приключений в далеких странах. – Отправляюсь в море.

Скитания всегда были и до сих пор остаются моей главной страстью, радостью моего сердца, светом существования. В детстве, в юношестве и в зрелые годы я был скитальцем. Я не просто бродил среди лесистых долин и холмов родной земли, но мечтал пройти весь огромный мир из конца в конец.

Страшной черной ночью, в бушующий шторм я родился на пенной груди бескрайнего Атлантического океана. Мой отец был капитаном, мой дед был капитаном, мой прадед был морским офицером. Никто не мог точно сказать, чем занимался его отец, но моя дорогая матушка утверждала, что он был гардемарин¹, а его дед с материнской стороны – адмиралом на королевском флоте. Во всяком случае, мы знали, что, насколько прослеживалась наша родословная, все наше семейство было тесно связано с бескрайними морскими просторами. Так было с обеих сторон: матушка неизменно сопровождала отца в его длинных путешествиях.

Полагаю, от них я и унаследовал дух бродяжничества. Вскоре после моего рождения отец, будучи уже стариком, вышел в отставку и приобрел маленький домик в одной из рыбацких деревень западного побережья Англии, чтобы провести закат своей жизни на берегу моря, которое столько лет служило ему домом. Вскоре после этого дух странствий проявился во мне. Стоило моим младенческим ножкам немного окрепнуть, я, не удовлетворяясь более ползанием, стал учиться ходить. Все эти попытки заканчивались падениями, ужасно меня удивлявшими. Однажды я воспользовался отсутствием матушки и предпринял очередную попытку. К огромной моей радости, я сумел добраться до порога и перевалился через него, прямо в лужу грязной воды, раскинувшуюся перед дверью отцовского домика. О, как ясно я помню ужас моей бедной матушки, когда она обнаружила меня барахтающимся в грязи среди крякающих уток, и нежность, с которой она сняла с меня мокрую одежду и вымыла мое грязное маленькое тельце. С этого дня мои отлучки становились все более частыми, а по мере того как я рос – и более длительными, пока наконец я не стал уходить к берегу и бродить в лесах, окружавших наше скромное жилище. Я не успокоился, пока отец не устроил меня юнгой² на каботажное судно³ и не отпустил в море.

Несколько лет я был совершенно счастлив, плавая вдоль родных берегов и заходя в морские порты. Крестили меня Ральфом, а товарищи прозвали Бродягой из-за моей страсти к путешествиям. И по-другому меня с тех пор редко называли. Имя это хоть и не мое настоящее, но достойное, так что я не вижу никаких причин, чтобы не называться Ральфом Бродягой.

Мои товарищи по судну были неплохими добрыми ребятами, и я с ними ладил. Правда, они часто разыгрывали меня и подшучивали надо мной, но не зло. Иногда я слышал, что они называли меня «странным, старомодным парнем». Сказать по правде, это меня сильно удивляло, и я долго обдумывал эти слова, но понять, в чем состоит моя старомодность, так и не смог. Да, я вел себя тихо, редко с кем-то заговаривал первым и не понимал шуток своих товарищей, даже когда они их объясняли. Моя глупость причиняла мне немало горя. Когда они смеялись над непонятной мне остротой, я улыбался и делал довольное лицо. Я был очень любознателен и часто задумывался о природе вещей и истоках, впадая при этом в рассеянность.

¹ Гардемарин (*фр.* garde-marine, «морская гвардия») – в британском парусном флоте – кандидаты в офицеры, обеспечивали на палубе точное исполнение командой приказов капитана.

² Юнга – подросток, исполняющий на корабле обязанности матроса.

³ Каботажное судно – судно, которое плавает между портами одного государства.

Но во всем этом я не видел ничего неестественного и не понимал, почему меня считают «старомодным».

Плавая в каботажном флоте, я встречал множество моряков, побывавших во всех уголках земного шара. Я не стыжусь сознаться, что сердце мое трепетало, когда они рассказывали о приключениях в дальних странах, об ужасных штормах, которые им довелось пережить, об опасностях, которых они избегли, о невероятных животных, виденных ими на суше и на море, о заморских странах и чудных людях, которых они встречали. Но из всех мест, о которых я слышал, ничто так не пленяло моего воображения, как Коралловые острова в Южных морях⁴. Я слышал о тысячах прекрасных плодородных островов, выстроенных крошечным созданием – коралловым рачком, об островах, где круглый год царило лето, где деревья гнулись под тяжестью невиданных фруктов. Удивительно, но населяли эти края кровожадные дикари – за небольшим исключением тех островов, которых уже достигла Благая весть о нашем Спасителе. Все эти сведения произвели на меня такое впечатление, что, достигнув пятнадцати лет, я твердо решил отправиться в Южные моря.

Поначалу мне нелегко было уговорить моих дорогих родителей, чтобы они отпустили меня. Но потом я напомнил отцу, что он никогда не стал бы достойным капитаном, если бы остался в каботаже, и он признал мою правоту и согласился. Матушка, увидев это, более не возражала.

– Ральф, милый мой мальчик, – сказала она мне в день нашего расставания, – возвращайся скорее. Мы с отцом уже не молоды, и жить нам осталось недолго.

Я не буду отнимать у читателя время, подробно перечисляя все, что произошло до прощания с родителями. Довольно будет сказать, что отец отдал меня на попечение своего старого приятеля, капитана торгового флота, который как раз направлялся в Южные моря на собственном судне «Стрела». Мать благословила меня и дала мне с собой маленькую Библию с напутствием, чтобы я читал по главе каждый день и не забывал молиться. Со слезами на глазах я пообещал так и делать.

И вскоре я взошел на борт «Стрелы» – прекрасного большого судна, державшего курс к островам Тихого океана.

⁴ Южные моря – второе название Тихого океана.

Глава II

Отход. – Море. – Мои товарищи. – Кое-что о том, что мы видели на глубине. – Свирепый шторм и страшное кораблекрушение.

Ярким теплым солнечным днем наш корабль, подставив бризу⁵ паруса, отправился на юг. О, как радостно билось мое сердце, когда я слышал веселые песни матросов, работавших со снастями и выбиравших якорь! Капитан покрикивал, матросы бегали, исполняя его приказания. Наш благородный корабль слегка накренился под ветром, и берег постепенно исчез из виду. Я стоял на палубе, и мне казалось, что это прекрасный сон.

Первым, что поразило меня, поскольку сильно отличалось от всего, что мне приходилось видеть во время моей короткой службы на флоте, стал якорь. Его подняли на палубу и накрепко привязали, как будто мы более уже в нем не нуждались, попрощавшись с землей навсегда.

– Эх, девочка, – крикнул широкоплечий моряк, от души хлопнув якорь по лапе, – поспи тут как следует. Целовать песок тебе еще долгонько не придется!

Так и вышло. Якорь не касался песка еще много дней, а когда это наконец случилось, этот «поцелуй» стал последним.

Мальчиков на борту было много, но моими любимцами сразу стали двое. Джек Мартин – высокий, статный, широкоплечий юноша восемнадцати лет с красивым добродушным и решительным лицом. Он был хорошо образован, умен, добр и благороден и в то же время отличался мягкими и тихими манерами. Я сразу полюбил Джека, и он ответил мне такой же любовью. Моим вторым другом стал Питеркин Гай, маленький, шустрый, забавный и шаловливый паренек лет тринадцати. Шалости его почти всегда были безобидны – в противном случае он не пользовался бы такой любовью окружающих.

– Здорово, парень! – крикнул Джек Мартин, стукнув меня по плечу, как только я вступил на корабль. – Пошли, я покажу твою койку. Мы будем жить вместе и, надеюсь, станем добрыми друзьями. Ты мне понравился.

Джек был прав. Он, я, а позже и Питеркин стали самыми лучшими и преданными друзьями, которые когда-либо ходили вместе в бурное море.

Я должен немного рассказать о первой части нашего путешествия. Ветреная погода сделалась спокойной, мы видели множество странных рыб, а однажды, к своему восторгу, я заметил целую стайку летучих рыб, выскочивших из воды чуть ли не на целый фут⁶ и пролетевших по воздуху. Их преследовали дельфины, которые едят этих рыб, и одна рыбка в ужасе наткнулась на корабль, запуталась в снастях и упала на палубу. Ее крылья оказались просто длинными плавниками – и так мы узнали, что они не могут держаться в воздухе, подобно птицам, и пролетать сколько-нибудь длинные расстояния. Джек и я съели ее на ужин, она оказалась отменно вкусна.

Когда мы приблизились к мысу Горн, южной оконечности Америки, погода сделалась холодной и свирепой, и матросы принялись рассказывать истории о жестоких бурях и опасностях, которые таит этот страшный мыс.

– Мыс Горн, – заявил один из них, – самая жуткая земля, где я бывал. Мне доводилось обогнуть его уже дважды, и оба раза корабль чуть не выдувало из воды.

– Я ходил тут единожды, – сказал другой, – паруса у нас порвались, а снасти замерзли в блоках – мы едва не погибли.

– А я тут уже пятый раз! – крикнул третий. – И каждый следующий раз – все хуже, уж-ж-жасные бури.

⁵ Бриз – несильный ветер, который дует на побережье большого водоема.

⁶ 1 фут = 0,3 м.

– А я тут тоже бывал... никогда! – воскликнул Питеркин, сверкнув бесстыжими глазами. – И в тот раз меня сдуло на палубу!

Тем не менее мы обошли страшный мыс благополучно и следующие несколько недель плыли под теплым тропическим ветром по Тихому океану. Так мы продолжили наше путешествие: иногда нас весело подгонял свежий ветер, а иногда, тихо скользя по зеркально гладкой воде, мы ловили любопытных обитателей морских глубин. Хотя матросы обращали на них мало внимания, мне они казались удивительными и странными.

Наконец мы добрались до Коралловых островов в Тихом океане. И никогда не забуду своего восторга от вида на остров, мимо которого нам посчастливилось пройти, – на белоснежные берега и пышные пальмы, сияющие в солнечном свете. Как же часто нам троим хотелось высадиться на одном из островов – казалось, что там нас ждет самое настоящее счастье! Наше желание исполнилось скорее, чем мы думали.

Однажды ночью, вскоре после того как мы попали в тропики, разразился ужасный шторм. Первый порыв ветра сломал две мачты, оставив только фок-мачту⁷. Но и она была бесполезна, поскольку мы не рискнули поставить даже зарифленный парус⁸. Буря бушевала пять дней. С палубы снесло все, кроме одной лодочки. Чтобы рулевого не смыло, его приходилось привязывать к штурвалу. Мы думали, что пришла наша гибель. Капитан сказал, что понятия не имеет, где мы находимся, ведь ветер сбил нас с курса. Мы очень боялись наскочить на опасные коралловые рифы, которых так много в Тихом океане.

На рассвете шестого дня мы увидели впереди землю. Это был остров, окруженный коралловым рифом, о который разбивались яростные волны. Внутри вода была совершенно спокойной, но туда вел очень узкий проход. К нему мы и направили наш корабль. Но прежде чем мы достигли рифа, огромная волна ударила в корму⁹ и сорвала руль, оставив нас на милость ветра и волн.

– Это конец, парни, – сказал капитан, – спускайте шлюпку. Не пройдет и получаса, как нас выбросит на скалы.

Команда подчинилась в мрачном молчании. Не много у нас было шансов выжить на такой лодочке в бурном море.

– Ребята, – серьезно сказал Джек Мартин мне и Питеркину, когда мы стояли на четвердеке¹⁰, ожидая своей судьбы, – нам нужно держаться вместе. Шлюпка переполнена, и ей никогда не достичь берега. Она точно перевернется, так что я предпочел бы довериться вон тому большому веслу. Я видел в подзорную трубу, что нас несет к краю рифа, где волны переливаются через него. Если мы сумеем удержаться на весле, пока нас не перенесет через скалы, мы сможем добраться до берега. Что скажете? Вы со мной?

Мы с радостью согласились следовать за Джеком. Он внушал нам доверие, хотя по его грустному голосу я понял, что надежды у нас мало. Когда я взглянул на белые волны, бьющиеся о риф и вскипающие на скалах, я почувствовал, что от смерти меня отделяет всего лишь шаг. Сердце мое сжалось, но тут я вспомнил о матери и последних словах, которые она сказала мне: «Ральф, мой милый сын, в минуты опасности не забывай о Господе нашем Иисусе Христе. Только Он сможет спасти твои тело и душу». При этих мыслях мне стало спокойнее.

Корабль подошел совсем близко к скалам. Команда спускала шлюпку, а капитан отдавал приказы, когда накатил огромная волна. Мы трое бросились на нос к своему веслу, и не успели мы достичь его, как волна обрушилась на палубу. Раздался страшный треск. Корабль ударило о скалу, фок-мачта переломилась у самой палубы и упала за борт, увлекая за собой шлюпку и

⁷ Фок-мачта – первая, считая от носа к корме, мачта на судне с двумя или более мачтами.

⁸ Зарифленный парус – парус, собранный для уменьшения площади в складки при помощи специальных креплений – рифов.

⁹ Корма – задняя часть корпуса корабля.

¹⁰ Квартердэк – возвышение палубы в кормовой части судна.

людей. Наше весло застряло среди обломков, Джек схватил топор, чтобы освободить его, тут корабль дернулся – и он промахнулся, глубоко всадив топор в весло. Но вторая волна очистила весло от обломков. Мы ухватились за него – и в следующее мгновение оказались в открытом море. Последнее, что я увидел, – как шляпка попала в водоворот и всех людей выбросило в воду. А потом я потерял сознание.

Очнувшись, я обнаружил, что лежу на мягкой зеленой траве, в укрытии нависающей скалы, а Питеркин стоит рядом со мной на коленях, осторожно обтирает мои виски водой и пытается остановить кровь, идущую из раны на лбу.

Глава III

Коралловый остров. – Первые исследования и их результаты. – Мы понимаем, что остров необитаем.

Приходя в сознание, испытываешь странное, почти неопишное ощущение: все видится как будто в полусне. Сопровождается это ощущение усталостью, ни в коей мере, впрочем, не неприятной. Медленно приходя в себя, я услышал голос Питеркина, спрашивавшего о моем самочувствии. Я подумал было, что проспал вахту и меня пошлют на топ¹¹ мачты в наказание, но, прежде чем я успел поспешно вскочить, мысль ушла, и я почувствовал себя больным. Потом ласковый бриз обдул мою щеку, и я вспомнил о доме, о садике за коттеджем моего отца, роскошных цветах и сладко пахнущей жимолости, которой матушка увила наше крыльцо. Но рев прибоя прогнал эти мысли, и я снова оказался в море, наблюдая за дельфинами и летучими рыбами, и брал на рифы марселя¹² у бурлящегося мыса Горн. Постепенно шум прибоя становился громче и яснее. Я вспомнил, что кораблекрушение унесло меня далеко от родной земли, и, открыв глаза, увидел испуганное лицо Джека, склонившегося надо мной.

– Скажи что-нибудь, Ральф, – нежно прошептал Джек, – тебе лучше теперь?

Я улыбнулся и, глядя вверх, сказал:

– Лучше? Ты о чем, Джек? Я совершенно здоров.

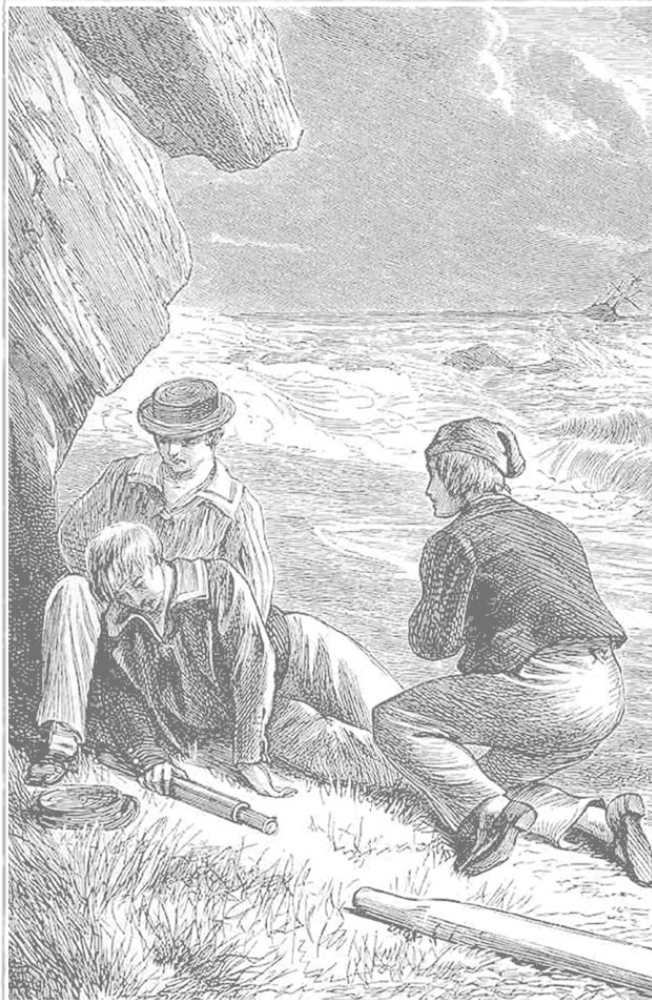
– Тогда что ты притворяешься и нас пугаешь? – сказал Питеркин, улыбаясь сквозь слезы. Бедный мальчик в самом деле думал, что я умираю.

Я приподнялся на локте и, ощупав лоб, обнаружил на нем серьезный порез. Должно быть, я потерял много крови.

– Тихо, тихо, Ральф, – сказал Джек, укладывая меня обратно, – лежи, ты еще не совсем оправился. Смочи губы водой, она прохладная и чистая, как хрусталь. Я принес ее из источника тут неподалеку. Сейчас лучше придержи свой язык! – продолжил он, заметив, что я собираюсь заговорить. – Я все тебе расскажу, но ты не издашь ни звука, пока не отдохнешь как следует.

¹¹ Топ мачты – верхняя часть мачты.

¹² Марсель – обычно второй снизу, прямой парус.

Медленно приходя в себя, Ральф услышал голос Питеркина, спрашивавшего о его самочувствии.

– Джек, не мешай ему говорить, – сказал Питеркин, который, убедившись, что его опасения ложны и я не умру, занялся постройкой шалаша из ветвей, чтобы загородить меня от ветра, – что, впрочем, было совершенно излишне, поскольку скала, под которой я лежал, полностью закрывала нас от бури.

– Пусть он говорит, Джек, я хочу слышать, что он жив, после того как он целый час лежал твердый и белый, как египетская мумия. Ральф, ты мало того, что чуть не выбил мне зубы и наполовину придушил меня, еще и притворялся мертвым. Очень гадко с твоей стороны!

Пока Питеркин болтал без умолку, я начал понимать, что произошло.

– Наполовину придушил? Что ты имеешь в виду, Питеркин?

– Ты что, позабыл английский язык? Может быть, мне повторить по-французски? Ты что, совсем ничего не помнишь?

– Помню только, как мы бросились в море.

– Хватит, Питеркин, – сказал Джек, – ты волнуешь Ральфа своей болтовней. Я тебе все объясню. Помнишь, как мы втроем спрыгнули с бака¹³ в воду? Весло ударило тебя по голове и

¹³ Бак – часть верхней палубы от носа судна до первой мачты (фок-мачты).

рассекло бровь, и ты схватил Питеркина за шею, не понимая, что делаешь. И при этом ударил его по губам подозрительной трубой, в которую вцепился, как в последнюю надежду.

– Ударил по губам! – вмешался Питеркин. – Скажи лучше – затолкал в глотку. У меня в кишках твоя труба отпечаталась!

– Ну хорошо, пусть так, – продолжил Джек. – Ральф, ты так вцепился в него, что я побожился, что ты действительно его задушишь. Но он крепко держался за весло, так что я постарался вытолкнуть вас обоих на берег, до которого мы добрались без больших проблем, ведь вода внутри рифа совсем спокойная.

– А капитан и команда, что с ними? – с беспокойством спросил я.

Джек покачал головой.

– Они погибли?

– Надеюсь, что нет, но на то, что они спаслись, шансов мало. Корабль ударился о скалы на краю острова, на который нас выбросило. Шлюпку отнесло в море – и она, к счастью, не перевернулась, хотя хлебнула немало воды. Все люди сумели в нее забраться, но, не успели они взяться за весла, буря вынесла их за скалы, на подветренную сторону острова. Когда мы оказались на земле, я видел, как они пытались доплыть до нас, но у них была только одна пара весел вместо восьми, и ветер дул прямо им в лицо. Потом я увидел, как они устроили что-то вроде паруса. Кажется, это было одеяло. Через полчаса они были уже далеко.

– Вот бедняги, – с грустью прошептал я.

– Но чем больше я думаю об этом, тем сильнее надеюсь, – продолжил Джек более бодрым тоном. – Видишь ли, Ральф, я много читал об этих островах, и знаю, что они буквально тысячами разбросаны по морю. Так что я почти уверен, что наша команда достигла одного из них.

– Я в этом уверен, – серьезно сказал Питеркин, – но что стало с судном, Джек? Я видел, как ты лез на скалы, пока я присматривал за Ральфом. Наш корабль пошел на запчасти?

– Не на запчасти, но ко дну, – ответил Джек. – Я уже говорил, что он ударился о скалы на краю острова и застрял в них носом. Но следующая волна сняла его и отнесла в сторону. Бедняги в шлюпке старались до него доплыть, но корабль быстро наполнился водой и затонул. После этого я видел, что они плывут к нам.

Долго длилось молчание. Я был уверен, что каждый из нас обдумывает сложившееся положение. Что до меня, мои размышления были не из приятных. Я знал, что мы на острове – так сказал Джек. Но я не знал, обитаем ли остров. Если на нем живут люди, то судя по всему, что я слышал о жителях этих островов, нас зажарят живьем и съедят. Если же здесь никто не живет, то мы обречены на голодную смерть. О, если бы корабль только ударился о скалы, было бы намного лучше. Мы могли бы забрать с него провизию и инструменты, которые позволили бы нам выстроить себе жилище, но теперь мы погибли. Эти последние слова я произнес вслух.

– Погибли! – воскликнул Джек, расплываясь в улыбке. – Ты хотел сказать: спасены? Твои размышления пошли по неправильному пути и привели тебя к ложным выводам.

– Знаешь, к каким выводам пришел я? – спросил Питеркин. – Я решил, что это очень здорово, просто первый сорт! Ничего лучше с тремя друзьями случиться просто не могло. Нам принадлежит целый остров! Мы объявим его своим во славу короля! И возьмем власть над его черными обитателями. Конечно же, мы окажемся на вершине здешнего общества, как все белые в диких странах. Джек будет королем, Ральф – премьер-министром, а я...

– Придворным шутком, – прервал его Джек.

– А вот и нет, – возразил Питеркин, – я вообще не займу никакой должности. Вряд ли мне стоит принимать на себя большую ответственность. Ты же знаешь, Джек, что я люблю получать много денег и ничего не делать.

– А если тут никто не живет?

– Тогда мы построим очаровательный особняк и разобьем вокруг него чудесный сад, полный великолепных тропических цветов, будем возделывать землю, сеять, жать, есть, спать и веселиться.

– Если же говорить серьезно, – Джек сделал грустное лицо. По моим наблюдениям, после этого Питеркин обычно переставал веселиться, – мы в очень неудобном положении. Если этот остров необитаем, нам придется жить как диким зверям, ведь у нас нет никаких инструментов, даже ножа.

– Ну, нож, положим, есть, – Питеркин вытащил из кармана штанов перочинный ножик с одним-единственным, и то сломанным, лезвием.

– Ну, это лучше, чем ничего. Пойдемте, – сказал Джек, вставая, – мы слишком много говорим и мало действуем. Ральф, ты, кажется, уже можешь идти. Давайте проверим, что у нас в карманах, а потом залезем на холм и посмотрим, что за остров нам достался. К добру или к худу, но в ближайшее время он будет нашим домом.

Глава IV

Мы исследуем имущество и делаем приятное открытие. – Описание острова. – Джек оказывается умным и знающим. – Любопытные открытия. – Природный лимонад!

Усевшись на скалу, мы принялись исследовать наше имущество. Достигнув берега, мои товарищи сняли с себя часть одежды и разложили на солнце для просушки; несмотря на сильнейший ветер, на небе не было ни облачка. И с меня они сразу стянули мокрую одежду и также разложили на скалах. Теперь, снова облачившись, мы старательно изучили содержимое наших карманов, выложив все ценное на плоский камень. К этому моменту мы в полной мере осознали свое положение и выворачивали карманы наизнанку, чтобы ничто не избежало нашего взгляда. Собрав все вместе, мы оказались обладателями следующих предметов.

Во-первых, маленький перочинный нож с одним лезвием, переломившийся посередине и сильно заржавленный, да к тому же с парой зазубрин на лезвии (Питеркин со свойственным ему юмором сказал, что это прекрасный нож, потому что может также служить в качестве пилы). Во-вторых, старый немецкий серебряный футляр для карандаша, пустой. В-третьих, около шести ярдов¹⁴ бечевки. В-четвертых, небольшая парусная игла. В-пятых, подозрная труба, которая случайно оказалась у меня в руках во время столкновения и в которую я вцепился, оказавшись в воде. Когда я лежал на берегу, Джек с трудом разжал мои пальцы. Я не знаю, почему я так крепко ухватился за подозрную трубу... Хотя ведь говорят, что утопающий хватается за соломинку. Очевидно, подозрная труба мне таковой и показалась, потому что я не помню, чтобы она была у меня в руках. Тем не менее мы очень обрадовались, что сохранили ее, хотя и не видели, как бы она могла нам пригодиться, потому что стекло на одном конце разбилось вдребезги. Шестым было медное кольцо, которое Джек всегда носил на мизинце. Я никогда не понимал, почему он это делает: собственная внешность его нимало не занимала, и он не склонен был себя украшать. Питеркин говорил, что это память о девушке, оставшейся на родине, но Джек никогда не рассказывал об этой девушке, так что я полагаю, что Питеркин шутил либо ошибался. Кроме всего этого, у нас был еще кусочек трута и одежда, надетая на нас.

Каждый был наряжен в прочные парусиновые штаны и тяжелые матросские башмаки. На Джеке была красная фланелевая рубашка, синяя куртка и красный шотландский колпак. Кроме того, он являлся обладателем пары шерстяных носков и бумажного носового платка, на котором были напечатаны шестнадцать портретов лорда Нельсона¹⁵ и британский флаг. Питеркин носил полосатую фланелевую рубашку навывпуск, подпоясанную кушаком, и круглую шляпу из черной соломы. Куртки у него не было, он скинул ее как раз перед тем, как мы оказались в море, но климат на острове оказался таким жарким, что, например, мы с Джеком предпочитали наши куртки не надевать. Кроме того, у Питеркина была пара белых бумажных носков и синий платок с голубыми точками. Мой собственный костюм состоял из голубой фланелевой рубашки, синей куртки, черной кепки и шерстяных носков, не считая уже упомянутых штанов и башмаков. Это все, что у нас было. Но когда мы думали, какой опасности избежали и насколько хуже бы нам пришлось, если бы корабль наскочил на рифы ночью, мы благодарили судьбу за то, что она дала нам столь многое. Хотя вынужден признаться, что иногда я хотел бы иметь больше.

Пока мы изучали эти вещи и разговаривали о них, Джек вдруг вскочил и воскликнул:
– Весло! Мы забыли про весло!

¹⁴ 1 ярд = 0,91 м.

¹⁵ Горацио Нельсон – командующий британским флотом в конце XVIII – начале XIX века.

– Да зачем оно нам нужно, – сказал Питеркин, – тут довольно дерева, чтобы сделать тысячу весел.

– Да, но на конце у него железный обруч, который может нам очень пригодиться.

– И правда, – согласился я, – пойдем достанем его. С этим мы трое отправились на берег. Я все еще неважно себя чувствовал из-за потери крови, так что мои товарищи скоро меня обогнали. Но Джек заметил это и со свойственной ему добротой вернулся мне помочь. Только теперь я смог разглядеть остров – там, где я лежал, рос густой кустарник, закрывавший мне вид. Теперь, когда мы поднялись оттуда и пошли к берегу, сердце мое запело при виде прекрасной картины, открывшейся моим глазам. Ветер утих, как будто его единственной целью было швырнуть наш корабль о скалы, а после этого у него не стало никаких дел. Остров оказался холмистым и весь порос очень красивыми и яркими деревьями и кустами, названия которых я не знал, кроме, конечно, кокосовой пальмы, которую я многократно видел на картинках. Полоса сияющего белого песка окаймляла зеленый остров, а за ней лежало спокойное море. Это поразило меня сильнее всего, поскольку дома огромные волны накатывали на берег еще долго после окончания шторма. Но стоило мне бросить взгляд на море, я понял причину. Примерно в миле¹⁶ от берега гигантская волна, похожая на зеленую стену, с ревом разбивалась о низкий коралловый риф, оставляя за собой белую пену и облако брызг. Брызги порой взлетали очень высоко, и тут и там между ними вспыхивала мгновенная радуга. Позже мы выяснили, что риф окружает весь остров, служа естественным волнорезом. За ним море волновалось и ревело, но поверхность воды между рифом и островом была гладкой, как в садовом пруду.

Когда я увидел столько великолепных вещей, душа моя преисполнилась восторга, и я обратился мыслью к Создателю всего этого. Я упоминаю об этом с радостью, поскольку, к стыду своему, на тот момент я нечасто вспоминал о Создателе, хотя постоянно был окружен самыми чудесными из Его творений. По лицу Джека я понял, что он тоже поражен этим райским зрелищем, которое было еще милее нам после долгого путешествия по морю. Ветер там дул свежий и холодный, а здесь он был нежен и напоен самыми изысканными ароматами, которые я только могу вообразить. Мы наслаждались окружающей нас природой, когда раздался оглушительный крик Питеркина:

– Ура!

Взглянув в сторону берега, мы увидели, что он скачет по песку, как обезьянка, и изо всех сил пытается тащить какой-то предмет, лежащий на берегу.

– Все-таки он странный малый, – сказал Джек, хватая меня за руку. – Побежали, посмотрим, что он нашел.

– Вот оно! Ура! Сюда! То, что мы хотели! – кричал Питеркин, пока мы приближались. – Анафемская штука!

Вряд ли мне стоит объяснять моим читателям, что мой друг Питеркин имел привычку использовать порой очень странные слова и выражения. Признаюсь, что я понимал далеко не все из них – например, я не имею не малейшего понятия об «анафемских штуках». Но я полагаю, что мой долг – как можно точнее записать все о моих приключениях, пока мне не изменила память, поэтому я стараюсь передавать слова моих товарищей в точности. Я часто просил Питеркина объяснить, что он имеет в виду, но в ответ он только разражался смехом. Я полагаю, что сейчас он имел в виду нечто очень хорошее и удачное.

Подойдя ближе, мы увидели, что Питеркин тщетно пытается вытащить топор из весла, в которое его, как вы помните, всадил Джек, когда хотел разрубить снасти, где весло застряло. К счастью для нас, топор остался в весле, и даже сейчас Питеркин не мог с ним справиться.

– Вот это здорово! – крикнул Джек, с силой дернув топор, так что он выскочил наружу. – И повезло же нам! Он пригодится нам больше сотни ножей. И какой он новый, острый.

¹⁶ 1 морская миля = 1852 м.

– А я отвечаю за крепость топорища, – воскликнул Питеркин, – чуть руки не оторвал! А вот и железо, – он указал на железный обруч, прибитый к лопасти весла, чтобы укрепить ее.

Это было еще одно прекрасное открытие. Джек опустился на колени и стал осторожно вынимать гвозди при помощи топора. Но они сидели очень глубоко, и топор от этого тупился, так что мы отнесли весло ко всем нашим вещам, решив, что при первом удобном случае сожжем его.

– А теперь, ребята, – сказал Джек, когда мы положили весло ко всем нашим скудным пожиткам, – предлагаю отправиться на тот конец острова, где затонул корабль. Это всего в четверти мили отсюда. Посмотрим, не выбросило ли что-нибудь на берег. Я не думаю, что мы что-нибудь найдем, но посмотреть не мешает. Когда мы вернемся, настанет пора ужинать и ложиться спать.

– Конечно! – закричали мы с Питеркином в один голос. Мы согласились бы на любое предложение Джека. Он был мало того что старше, сильнее и выше любого из нас, так еще и очень умен. Думаю, и люди гораздо старше него пошли бы за ним, особенно в таком смелом предприятии.

Мы шли по белому пляжу, сиявшему в закатных лучах так, что глазам стало больно, когда в голову Питеркину пришло, что нам нечего есть, кроме диких ягод, в изобилии растущих под ногами.

– Что нам делать, Джек? – грустно спросил он. – А если они ядовитые?

– Не бойся, – уверенно ответил Джек, – я заметил, что некоторые из них очень похожи на те, что растут на моих родных холмах. А еще одна или две странные птицы клевали их, а что не убило птиц, не убьет и нас. И посмотри сюда, Питеркин, – Джек указал на кокосовую пальму, – здесь полно орехов.

– И точно! – закричал Питеркин. Он был очень ненаблюдателен по натуре, и его внимание отвлекали слишком многие вещи, чтобы он заметил что-нибудь так высоко у себя над головой. Но какими бы недостатками ни обладал мой юный друг, обвинить его в недостатке активности и жизнелюбия было никак нельзя. Стоило Джеку указать на пальму, как он вскарабкался по стволу, как белка, и через несколько минут вернулся с тремя орехами, каждый размером с кулак.

– Лучше побереги их до нашего возвращения, – предложил Джек, – давай закончим работу, а уже потом поедем.

– Слушаюсь, капитан. Вперед! – Питеркин засунул орехи в карман. – На самом деле я пока не хочу есть, а вот попить бы не отказался. Если бы мы нашли ручей! Но я не вижу никаких признаков. Джек, а как вышло, что ты все знаешь? Ты назвал нам уже полдюжины деревьев, а ведь ты говорил, что никогда не бывал в Южных морях?

– Я знаю далеко не все, в чем ты скоро убедишься, – ответил Джек с улыбкой, – но я всегда много читал книг о путешествиях и приключениях и их них узнал всякие вещи, которые вам могут быть неизвестны.

– Ой, Джек, а не врешь ли ты? Если ты начнешь во всем полагаться на книги, я буду дурно о тебе думать, – сказал Питеркин с видом величайшего презрения. – Видел я парней, которые вечно корпели над книгами. А когда доходило до дела, они оказывались не умнее обезьяны.

– Ты прав, – согласился Джек, – а еще я видывал людей, которые ни разу не заглядывали в книгу и не знали ничего, кроме того, что видели своими глазами. Да и об этом почти ничего не знали. К примеру, некоторые из них были столь невежественны, что не подозревали, что на кокосовых пальмах растут кокосовые орехи!

Я не удержался от смеха, поскольку замечание о невежестве Питеркина было очень верным.

– Хм! Ну, может, ты и прав, – ответил Питеркин, – но я и двух пенсов¹⁷ не дам за книжника, пока не увижу его в деле.

– Тут я с тобой соглашусь. Но нет никаких причин, по которым стоит отвергать книги или людей, их читающих. Представь, например, Питеркин, что ты хочешь построить корабль, а я могу подробно рассказать тебе, как это сделать. Разве это не было бы полезно?

– Это уж точно! – Питеркин засмеялся.

– А если бы я написал все нужные действия в письме, а не рассказал бы вслух, это было бы хуже?

– Полагаю, нет.

– Ну а если бы это письмо напечатали и отдали тебе в виде книги?

– О боже! Джек, ты философ, и это невыносимо, – вскричал Питеркин в притворном ужасе.

– Ну хорошо, Питеркин, посмотрим, – сказал Джек, останавливаясь под кокосовой пальмой, – минуту назад ты сказал, что умираешь от жажды. Залезь на пальму и принеси орех. Только выбирай неспелый, зеленый.

Питеркин удивился, но Джек был серьезен, и он повиновался.

– А теперь, дружок, пробей в нем дырку ножом и приложи к ней губы, – велел Джек.

Питеркин немедленно выполнил указание, и мы оба громко рассмеялись, увидев, как изменилось его лицо. Не успел он приложить орех к губам и запрокинуть голову, как глаза его расширились от удивления и он принялся что-то глотать. По лицу его разлилось выражение блаженства. Улыбаться он не мог, но старался выразить свой восторг миганием правого глаза. Наконец он оторвался от ореха, перевел дыхание и воскликнул:

– Нектар! Настоящий нектар! Джек, ты самый лучший парень, которого я встречал в жизни. Ты только попробуй, – прибавил он, передав орех мне. Я сделал глоток и был приятно поражен изумительным вкусом жидкости, оказавшейся у меня во рту. Прохладная и кисло-сладкая, она была очень похожа на лимонад и отлично освежала. Я отдал орех Джеку, и он, попробовав, сказал:

– Ну, Питеркин неверующий! Я никогда не видел и не пробовал кокосовых орехов, кроме тех, что продавались в лавке дома, но однажды читал, что зеленые орехи содержат приятную на вкус жидкость. И это оказалось правдой.

– А что же содержат зрелые орехи?

– Дыру в сердцевине, заполненную жидкостью вроде молока. Она не столько утоляет жажду, сколько насыщает. Это очень питательная пища, насколько я понимаю.

– И еда, и питье на одном дереве! – воскликнул Питеркин, – Умываться будем в море, спать на земле, и все это бесплатно. Давайте останемся здесь навсегда! Должно быть, так и выглядит рай! – Питеркин подбросил в воздух свою соломенную шляпу и в восторге побежал по пляжу.

Впоследствии мы обнаружили, что во многом этот остров рай вовсе не напоминает. Но об этом я расскажу в свое время.

Мы достигли той скалы, о которую разбился корабль, но не нашли ни единого предмета, хотя тщательно обыскали кораллы, которых здесь было так много, что они почти сливались с рифом, окружающим остров. Мы уже собрались возвращаться, но вдруг увидели что-то черное, плавающее в небольшой бухте, которую мы упустили в своих поисках. Выловив предмет, мы увидели, что это высокий сапог из толстой кожи, какие носят рыбаки у меня на родине. А в нескольких шагах плавал и второй. Мы сразу узнали их: эти сапоги принадлежали нашему капитану, который не снимал их во время шторма, чтобы защитить ноги от волн и брызг. Пер-

¹⁷ Пенс – разменная денежная единица многих стран и территорий, в разное время входивших в состав Британской империи.

вая моя мысль была о том, что наш дорогой капитан утонул. Но Джек успокоил меня, указав, что, если бы капитан утонул в сапогах, их бы выбросило на берег вместе с ним. А значит, он скинул их в море, чтобы легче было плыть.

Питеркин немедленно влез в них, но они были так велики, что, по замечанию Джека, могли бы служить ему не только сапогами, но и штанами, и даже курткой. Я тоже их примерил: несмотря на мой высокий рост и длинные ноги, мне они тоже негодились. Так что мы вручили их Джеку, несмотря на все его протесты. Ему они были точно впору. Я должен, впрочем, заметить, что Джек носил их не слишком часто из-за их тяжести.

Когда мы вернулись в лагерь, уже начало темнеть, так что мы решили отложить поход на вершину холма на следующий день и употребить остаток дня на то, чтобы срезать достаточно сучьев и листьев с дерева, названия которого мы не знали. Из этого мы соорудили что-то вроде шалаша, в котором планировали провести ночь. В этом не было никакой необходимости, поскольку воздух на нашем острове был столь тепел и приятен, что мы могли бы спать без всякого убежища, но мы настолько не привыкли спать под открытым небом, что отвергли эту идею. Кроме того, шалаш мог бы защитить нас от росы или дождя. Устелив пол листьями и сухой травой, мы задумались об ужине.

Впервые мы осознали, что нам нечем развести огонь.

– Вот это задача! Что же нам делать? – сказал Питеркин, и мы с ним оба посмотрели на Джека, к которому привыкли обращаться при любых трудностях. Джек выглядел изрядно обескураженным.

– На пляже должно быть много кремней. Но без кресала от них нет толку. Однако стоит попытаться.

С этими словами он сходил на берег и скоро вернулся с двумя кремнями. На один из них он положил трут и попытался высечь искру, но искра от двух камней выходила очень слабой, а трут был плохой и жесткий и не загорался. Джек попробовал высечь искру об обруч на весле, но у него ничего не вышло. Топор тоже не помог. Все это время Питеркин сидел, засунув руки в карманы, и смотрел на нашего товарища с самым печальным выражением лица. При каждой новой неудаче его лицо делалось все мрачнее.

– Господи, – вздохнул он, – мне наплевать, что мы не сможем сварить нашу провизию, она в этом и не нуждается. Но так тоскливо ужинать в темноте. У нас был такой чудесный день, зачем же неприятно его заканчивать? О, – он вдруг оживился, – подзорная труба! Там осталось целое стекло!

– Ты забыл, что солнце село, – сказал я.

Питеркин притих. В своем внезапном озарении он совершенно упустил это из виду.

– Ребята, я придумал! – воскликнул Джек, поднимаясь с колен, и срезал с соседнего дерева ветку, которую очистил от листьев. – Один раз я видел такое дома. Дайте-ка мне кусок бечевки.

Из ветки и бечевки Джек смастерил подобие лука. Потом он отрезал от сухой ветки кусок около трех дюймов¹⁸ и заострил его с двух сторон. Обмотал вокруг ветки тетиву лука и приставил ее одним концом к груди, защитив ее кусочком дерева, а вторым концом к труту. И начал быстро двигать лук взад-вперед, как делают кузнецы, когда сверлят отверстие в куске железа. Через несколько секунд трут задымился, а через минуту уже горел. Менее чем через четверть часа мы пили свой лимонад и ели кокосовые орехи, сидя вокруг костра, на котором можно было бы зажарить целого барашка. Дым и искры летели к широким пальмовым листьям, а пламя отбрасывало теплый свет на наш шалаш.

Звездное небо смотрело на нас сквозь листья деревьев, а далекий шум прибоя служил нам колыбельной.

¹⁸ 1 дюйм = 2,54 см.

Глава V

Утро и связанные с ним раздумья. – Мы блаженствуем в море, учимся нырять и знакомимся с кораллами на дне океана. – Чудеса водных глубин.

Как приятно проснуться свежим великолепным утром от того, что восходящее солнце изумительным блеском освещает твое лицо! Услышать щебетание птиц в кустах и журчание ручейка или мягкий шум, с каким волны набегают на пляж. В любое время и в любом месте именно эти виды и звуки прекраснее всего, но еще сильнее они чаруют, если проснуться среди них впервые, в новой и романтической ситуации, когда нежный и сладкий воздух тропиков приносит свежий аромат моря и колышет листья странных деревьев над головой, трогает перья ярких птиц, порхающих вокруг и как будто пытающихся понять, что за дела привели нас в их владения.

Проснувшись утром после кораблекрушения, я обнаружил, что совершенно поправился. Лежа на постели из листьев, я смотрел на ясное синее небо в просвете между пальмами. По нему медленно двигались пушистые облачка, и мое сердце преисполнилось невообразимой доселе радости. Мысли мои вновь обратились к великому и благому Творцу этого прекрасного мира, как и вчера, когда я впервые увидел волны, разбивавшиеся о коралловый риф над тихими водами лагуны.

Я вспомнил о своей Библии. Поскольку я крепко держал обещание, данное при расставании моей возлюбленной матушке, – я читал ее каждое утро – то теперь испугался, вспомнив, что она осталась на корабле. Это было очень некстати. Но я успокоил себя тем, что могу сдерживать вторую часть этого обещания – никогда не забывать о молитве. Я тихо поднялся, чтобы не потревожить спящих товарищей, и ушел в кусты, чтобы помолиться.

Вернувшись, я обнаружил, что они еще не проснулись, и снова лег, обдумывая ситуацию. В это же мгновение мой взор привлек очень маленький попугай – после Джек сказал, что он называется длиннохвостым. Он сидел на ветке над головой Питеркина, и я замер в восхищении при виде ярко-зеленого оперения, переливавшегося разными цветами. Птица медленно повернула голову и посмотрела вниз, сначала одним глазом, затем другим. Взглянув туда, я увидел, что Питеркин спит с широко раскрытым ртом, и попугай вглядывается именно в него.

Питеркин часто говорил, что во мне не найдется ни единого атома смеха и что я не способен понять ни одной шутки. Что касается последнего, может быть, он и прав. Хотя, когда мне объясняют шутки, я понимаю их так же хорошо, как и все люди. Но первая часть его утверждения явно неверна, поскольку птица показалась мне очень забавной. Я все время думал, что будет, если она поскользнется и упадет с ветки прямо в рот Питеркину. Это было бы еще забавнее! Внезапно птица наклонила голову и громко крикнула прямо ему в лицо. Питеркин подскочил с воплем, а глупый попугай стремительно умчался прочь.

– У, гадина! – крикнул Питеркин, грозя ему вслед кулаком. Потом он зевнул, протер глаза и осведомился, который час.

Я улыбнулся и ответил, что часы наши остались на дне моря, и точное время мне неизвестно. Однако рассвело совсем недавно.

Питеркин вспомнил, где мы оказались. Он посмотрел на небо, вдохнул сладкий воздух, и глаза его блеснули восторгом. Он тихонько сказал:

– Ура, – и снова зевнул. Потом медленно обвел взором наше убежище, увидел вдалеке тихое море и вдруг вскочил, как будто его ударило электричеством, испустил дикий крик, скинул одежду и помчался к белому песку и воде.

Его крик разбудил Джека, который приподнялся на локте с выражением мрачного удивления на лице, которое, впрочем, сменилось улыбкой, когда он увидел Питеркина в море. С энергией, проявлявшейся только в моменты крайнего волнения, он встал, разделся и, льви-

ным прыжком преодолев полосу песка, плюхнулся в воду с такой силой, что окатил Питеркина брызгами.

Джек был прекрасным пловцом и мог продержаться под водой очень долго, так что, нырнув, он не показывался почти минуту, а потом внезапно выскочил с радостным криком в сотне ярдов от берега. Я тоже быстро разделся и, пытаясь подражать Джеку, сделал огромный прыжок, но, со своей всегдашней неуклюжестью, споткнулся и упал. Потом я поскользнулся на камне и едва не упал еще раз, к большому удовольствию Питеркина, который искренне смеялся и называл меня увальнем.

– Иди сюда, Ральф, я тебе помогу! – позвал Джек. Впрочем, очутившись в воде, я показал, что плаваю и ныряю вовсе недурно. Я не мог сравниться с Джеком, который плавал лучше любого англичанина, но я легко обошел Питеркина, который плавал плохо, а нырять вообще не умел.

Пока Питеркин забавлялся на мелководье и бегал по пляжу, мы с Джеком уплыли на глубину и стали нырять. Я никогда не забуду своего восторга и удивления при первом взгляде на дно океана. Как я уже говорил, вода внутри рифа была спокойной, как в пруду, и, так как не было ветра, – совершенно прозрачной, и мы легко видели на глубину в двадцать и даже тридцать ярдов. Ныряя в мелкую воду, мы ожидали увидеть песок и камни, но вместо этого оказались в настоящем зачарованном саду. Дно лагуны – а так мы называли тихую воду внутри рифа – целиком поросло кораллами всех форм, размеров и цветов. Одни походили на грибы, другие – на человеческий мозг, растущий на огромной шее, но чаще всего встречались ветвистые кораллы очаровательного светло-розового цвета или чисто-белые. Среди них росло множество водорослей самых разных оттенков, между которыми шныряли бесчисленные рыбки – синие, красные, желтые, зеленые и полосатые.

Вынырнув на поверхность, чтобы запастись свежим воздухом, мы с Джеком оказались совсем рядом.

– Ральф, ты когда-нибудь видел что-нибудь подобное? – спросил Джек, откидывая назад мокрые волосы.

– Нет. Это похоже на сказочное царство. Мне с трудом верится, что это не сон.

– Ха! Я сам наполовину уверен, что мы спим. Но раз так, хорошо бы продлить удовольствие. Ныряем второй раз!

На этот раз мы старались держаться ближе друг к другу. Я обратил внимание, что могу оставаться под водой намного дольше, чем мне когда-либо удавалось дома. Полагаю, что дело в температуре воды. Она была такой теплой, что, как мы позже обнаружили, в ней можно было провести два или даже три часа без всяких неприятных последствий. Достигнув дна, Джек схватился за один из кораллов и пополз по ним, заглядывая под водоросли и камни. Он нашел несколько крупных устриц, и я последовал его примеру.

Внезапно он попытался схватить рыбу с синими и желтыми полосами на спине и даже сумел дотронуться до ее хвоста. Повернувшись ко мне, он попытался улыбнуться, но тут же выскочил наружу, как стрела. Последовав за ним, я обнаружил, что он кашляет и задыхается из-за попавшей в рот воды. Через минуту он пришел в себя, и мы поплыли к берегу.

– Честное слово, Ральф, – сказал он, – я чуть не рассмеялся под водой.

– Я видел. И видел еще, как ты почти поймал рыбу за хвост. Она бы очень пригодилась для завтрака.

– Ну, на завтрак будет довольно и устриц, – заметил он, когда мы вышли на берег. – Эй, Питеркин! Открой-ка этих малюток, пока мы с Ральфом оденемся. Я уверен, они великолепно сочетаются с кокосовыми орехами.

Питеркин, уже одетый, взял устриц и принялся открывать их краем топора, восклицая:

– Ух ты! Ничего себе! Какие красивые!

– Вот счастье-то, – заметил Джек. – Теперь я знаю, как держать вас в руках, мастер Питеркин. Нырять ты не лучше кошки. Так вот, если будешь плохо себя вести, не получишь устриц на завтрак.

– Я очень рад, что мы будем завтракать, – сказал я. – Ну, держи тогда эту, – Питеркин поднес огромную устрицу прямо к моим губам. Я проглотил ее с большим удовольствием.

С утра мы легко развели огонь нашим чудесным увеличительным стеклом, зажарили устриц и съели несколько орехов. А потом долго и оживленно обсуждали планы на будущее. Что это были за планы и как мы воплотили их в жизнь, читатель скоро узнает.

Глава VI

Экскурсия к внутренней части острова, в ходе которой мы совершаем множество ценных и интересных открытий. – Чудовищный ужас. – Хлебное дерево. – Чудесная особенность некоторых фруктовых деревьев. – Следы бывших обитателей.

Сразу после завтрака мы разместили наше скромное имущество в трещине скалы в дальнем конце небольшой пещерки, которую обнаружили неподалеку от нашего лагеря. В дальнейшем, как мы надеялись, эта пещерка могла бы послужить в качестве склада. Потом мы вырезали две больших дубинки из очень твердого дерева. Одну вручили Питеркину, вторую – мне, а Джек вооружился топором. Мы предприняли эту предосторожность, поскольку собирались отправиться на вершину холма, чтобы лучше разглядеть остров. Разумеется, мы не знали, какие опасности могут подстергать нас по пути, поэтому подготовились, как могли.

Закончив с этим и тщательно затушив огонь, мы отправились в путь и вскоре оказались перед долиной, по которой тек ручей. Тут мы повернулись к морю спиной и направились к центру острова.

Вид, открывшийся нашим глазам в долине, был великолепен. По обеим сторонам от нас земля приподнималась, образуя два гребня, разделенные примерно милей. Оба гребня – покрытые, как и долина между ними, самыми роскошными деревьями и кустами – тянулись примерно на две мили, а потом сходились у подножия небольшой горы. Эта гора также полностью поросла деревьями, за исключением одного участка слева, поверхность которого была голой и каменистой. Что скрывается за горой, мы увидеть не могли, поэтому отправились к ней по берегу ручья, намереваясь забраться наверх, если это будет возможно – в чем, впрочем, мы совершенно не сомневались.

Джек, как самый умный и храбрый, шел впереди, с топором на плече. Вторым следовал Питеркин с огромной дубинкой – он заявил, что хочет иметь возможность защитить меня от любой угрозы. Я был последним, и меня куда сильнее занимали все те восхитительные вещи, которые я видел вокруг, чем мысли о возможной опасности. Я поступил очень глупо, не взяв с собой дубинку. Хотя, как я уже упомянул, кусты и деревья были очень пышными и яркими, они росли не столь густо, чтобы мешать нашему передвижению.

Мы легко следовали руслу ручья, но обильная листва закрывала дальние виды. Иногда кто-то из нас забирался на камень повыше и смотрел, насколько мы продвинулись на пути к холму, заодно наслаждаясь романтическими пейзажами. Я был поражен густотой подлеска и обнаружил множество ягод и трав, похожих на те, что росли на родине. Особенно я отметил высокий изящный папоротник, испускавший приятнейший аромат. Росли здесь и цветы, но совсем не так много, как я ожидал увидеть в этом климате. Замечали мы и множество крошечных птичек с ярким оперением и попугаев, похожих на того, который так грубо разбудил Питеркина поутру.

Так мы шли к холму, не замечая ничего тревожащего, за исключением одного случая, когда, уже близко к цели нашего путешествия, путь нам закрыли широкие листья банановых пальм, которые здесь росли в изобилии. Джек собрался было проложить путь через эту чащу, но мы в испуге замерли, услышав странный шум или даже разговоры, не похожие на то, что мы слышали здесь ранее.

– Эй, – крикнул Питеркин, останавливаясь и берясь за дубинку обеими руками, – кто здесь?

Никто не ответил. Джек переложил топор в правую руку, а левой раздвинул широкие листья и посмотрел вперед.

– Ничего не вижу, – сказал он, – должно быть...

И снова послышался тот же шум, на этот раз громче, и мы отшатнулись назад и приготовились защищаться. Я, забыв дубинку и не позаботившись вырезать новую, застегнул куртку, сжал кулаки и встал в боксерскую стойку. Должен признаться, что мне было изрядно не по себе. Товарищи мои после рассказали, что немедленно вспомнили все, что когда-либо слышали и читали о диких животных и туземцах, которые могут посадить человека на кол или зажарить живьем. Звук раздался еще раз, с десятикратной силой. Потом послышался жуткий треск в кустах, как будто огромный зверь ломился в нашу сторону. А еще через мгновение огромный камень прокатился по кустам в облаке пыли и других камней, поменьше, и пролетел совсем рядом с нами, ломая кусты и молодые деревца.

– Ого! Это все? – воскликнул Питеркин, утирая пот со лба. – Я-то думал, что все звери и дикари с этих остров несутся, чтобы стереть нас с лица земли, а это всего-то камешек упал!

– Однако, – заметил Джек, – если бы он задел кого-то из нас, ты бы так не говорил.

Он был прав, и я от души поблагодарил Господа за наше спасение. Внимательнее изучив местность, мы обнаружили, что стоим у подножия обрыва, с которого время от времени скатываются камни разных размеров. Разумеется, они и послужили причиной напугавших нас звуков.

Мы снова двинулись вперед, решив в дальнейшем избегать этого опасного места.

Вскоре мы дошли до подножия холма и приготовились лезть наверх. И тут Джек сделал открытие, доставившее нам очень много радости. Мы увидели дерево необычайной красоты, и он уверенно объявил, что это знаменитое хлебное дерево.

– Знаменитое? – переспросил Питеркин с выражением крайней наивности.

– Да.

– А почему тогда я о нем не слышал?

– Значит, оно не такое знаменитое, как я думал, – парировал Джек и надвинул Питеркину шляпу на глаза, – но вот теперь тебе придется о нем услышать.

Питеркин поправил шляпу и вскоре слушал рассказ Джека с таким же интересом, что и я. Джек говорил, что это одно из самых ценных деревьев на островах, что оно приносит два или даже три урожая в год, а его плоды очень похожи на белый хлеб и составляют основную часть рациона многих островитян.

– Итак, – решил Питеркин, – на этом прекрасном острове все само падает в руки. Лимонад уже разлит в орехи, а хлеб растет прямо на дереве.

Он, как всегда, шутил, но при этом сказал чистую правду.

– Кроме того, – продолжил Джек, – это дерево выделяет особую смолу, которой дикари обмазывают свои лодки, из коры молодых побегов делают одежду, а из древесины, прочной и красивой, строят дома. Сами видите, парни, материала нам тут на все хватит, нужно только суметь его использовать.

– А ты уверен, что это оно? – спросил Питеркин.

– Совершенно уверен. Когда я читал об этом, то очень заинтересовался и помню описание дословно. К сожалению, я забыл описание многих других деревьев, которые мы наверняка видели сегодня, но не узнали. Так что, Питеркин, я знаю далеко не все.

– Ничего, – покровительственно сказал Питеркин, похлопывая нашего высокого друга по плечу, – для своего возраста ты очень развитый малый. Очень умный юноша, сэр, многообещающий. Но если ты продолжишь в том же духе...

Конца речи мы не услышали, поскольку Джек неожиданно подхватил Питеркина на руки и швырнул в кусты, где тот и лежал, греясь на солнце, пока мы с Джеком изучали хлебное дерево.

Нас поразили его листья – широкие, темно-зеленые, длиной не меньше двенадцати дюймов, глубоко вырезанные по краям и блестящие, как у лавра. Почти круглые плоды имели в диаметре по шесть дюймов, а на грубой кожуре виднелись ромбообразные отметки. Цвета

они были самого разного, от нежно-зеленого до коричневого и ярко-желтого. Джек сказал, что спелые плоды желтые. Впоследствии мы обнаружили, что большинство деревьев на острове вечнозеленые и можно в любой момент сорвать с одного и того же дерева и цветок, и спелый фрукт. Как они отличались от наших родных деревьев! Кора у хлебного дерева была жесткая и светлая, ствол достигал в толщину двух футов, а в высоту – двадцати. На этой высоте ветки образовывали пышную тенистую крону. Мы заметили, что плоды висят группками по несколько штук, но спешили подняться наверх и не стали их собирать.

Сердца наши пели от удачи, выпавшей на нашу долю, и по крутым склонам холма мы полезли легко и весело. На вершине глазам нашим открылась новая, еще более грандиозная перспектива. Мы обнаружили, что это далеко не самая высокая точка острова. Перед нами виднелась широкая долина, а за ней – другая гора. Долина эта также поросла темно- и светло-зелеными деревьями с кронами густыми и тяжелыми или, наоборот, легкими и изящными. На них радугой горели яркие цветы, придавая всей долине вид роскошного сада. Мы различили множество хлебных деревьев, гнувшихся под тяжестью желтых плодов, и много кокосовых пальм. Насмотревшись, мы спустились вниз, пересекли долину и полезли на вторую гору. Деревья росли на ней почти до самой вершины, совершенно голый.

По пути наверх внимание наше привлек обрубок дерева, явно носивший на себе следы топора! Значит, мы были не первыми людьми на этом прекрасном острове. Нога человека уже ступала здесь. Мы вновь стали думать: не обитаем ли остров? Второй взгляд на обрубок поколебал нашу уверенность. Дерево совсем сгнило, и местами его покрывали плесень и новые зеленые ростки. Должно быть, его срубили много лет назад.

– Может быть, – предположил Питеркин, – когда-то к острову пристал корабль, и они срубили только одно дерево.

Нам это показалось маловероятным: команда корабля срубила бы небольшое дерево рядом с берегом, а не гигантское у вершины горы. Пожалуй, это было самое большое дерево на всей горе.

– Не понимаю, – Джек поскреб пень топором, – разве что дикари срубили его для каких-то только им ведомых целей. Ого! А это что?

С этими словами Джек принялся соскабливать с пня мох и плесень и скоро обнаружил три ясных знака, похожих на остатки какой-то надписи. Но, хотя сами знаки виднелись четко, разобрать буквы нам не удалось. Джеку показалось, что это буквы «JS», но уверенности у него не было. Вырезали их весьма небрежно, а со временем они стали совсем неразборчивыми. Открытие это нас сильно озадачило, и мы долго стояли вокруг пня, строя предположения. Ничего не решив, мы двинулись дальше.

Эта гора оказалась самой высокой на острове, и с нее мы обозрели свои владения, лежавшие перед нами подобно карте. Я всегда полагал, что невозможно что-либо понять, не представляя это в точности, так что рискну испытать терпение читателя и описать весь остров.

Он представлял собой два холма: один около пяти сотен футов высотой, второй, на котором мы стояли, – около тысячи. Между ними, как уже было сказано, лежала прекрасная долина. Она пересекала остров из конца в конец, была выше в центре и сходила в море по краям. Хотя казалась она совершенно гладкой, внимательно рассмотрев поверхность, мы поняли, что она состоит из множества небольших долин и лощин, перемежаемых крошечными скалистыми участками и обрывами. Потоки воды сбегали с них и обрушивались вниз белыми струями, поблескивая временами между широких листьев кокосовых пальм и хлебных деревьев.

У самого подножия горы простирался узкий ярко-зеленый луг, переходящий в пляж. На той стороне острова, с которой мы пришли, стоял небольшой холм, а внизу от него расходились еще три долины – та, по которой мы шли, и две по ее сторонам. В них не было воды, но росли такие же пышные деревья.

В диаметре наш остров имел около десяти миль и казался почти круглым, так что окружность его составляла около тридцати миль – возможно, несколько больше, если учесть бесконечные заливы и мысы на берегу. Весь остров опоясывала полоса чистого белого песка, омываемая нежными волнами лагуны. Мы увидели, что коралловый риф кольцом окружал остров. Кое-где он отстоял от берега на целую милю, кое-где – всего на несколько сотен ярдов, но среднее расстояние составляло около полумили. Риф был очень низок, и во многих местах через него перекатывались волны. Прибой никогда не умолкал. Какой бы спокойной ни была погода, великий океан всегда дышит. Пусть вдалеке это почти не заметно, но на риф он обрушивается огромными волнами. Вода в лагуне меж рифом и островом была совершенно гладкой. В рифе было три узких прохода: по одному на каждом конце долины, пересекающей остров, и один – у нашей долины, которую мы позже назвали Долиной кораблекрушения. У каждого из этих проходов риф образовывал по два маленьких островка, покрытых зеленью, включая одну или две кокосовые пальмы. Выглядели они очень необычно. Казалось, их засадили нарочно для того, чтобы отметить вход в лагуну. Наш капитан направлялся к одному из них в день, когда мы потерпели крушение. Я уверен, что корабль дошел бы туда, если бы ему не оторвало руль. Внутри лагуны лежало еще несколько низких коралловых островов, один прямо напротив нашего лагеря. В море, сразу за рифом, виднелась еще дюжина островов на расстоянии от полумили до десяти миль. Насколько мы могли судить, все они были меньше нашего и очевидно необитаемы.

Все это мы увидели с вершины горы. Собравшись возвращаться, мы вдруг заметили и другие следы присутствия человека. Нам попался столб и несколько кусков дерева, обрубленных топором. Впрочем, все это почти сгнило, и никто не притрагивался к ним много лет.

С этим мы вернулись в лагерь. По пути мы наткнулись на следы какого-то четвероногого животного, но никому из нас не удалось определить, свежие ли они. У нас появилась надежда раздобыть себе мяса, так что мы вернулись домой в отличном настроении, полностью удовлетворенные результатами нашей экскурсии.

После бурного обсуждения, начатого Питеркином, мы решили, что остров необитаем, и отправились спать.

Глава VII

Изобретательность Джека. – У нас возникают трудности с рыбалкой, но мы разрешаем их, попутно попадая в холодную ванну. – Ужасная встреча с акулой.

Несколько дней после экскурсии, описанной в предыдущей главе, мы не отходили далеко от лагеря, занимаясь обустройством быта и обсуждением планов на будущее.

Нашему относительному бездействию было несколько причин. Прежде всего, хотя остров был восхитителен и мы без малейшего труда могли добыть все необходимое для физического комфорта, нам вовсе не нравилась мысль провести тут остаток своих дней, вдали от друзей и родной земли. Устройство постоянного лагеря казалось отказом от надежды снова увидеть дом и друзей, так что мы молча откладывали его. К тому же мы все еще не были уверены, что остров необитаем, и пока еще питали слабую надежду, что нас подберет какой-нибудь проходящий корабль. Но дни шли за днями, мы не видели ни дикарей, ни кораблей, и пришлось нам оставить надежды на скорое спасение и приступить к работе.

Впрочем, это время мы провели не в полной праздности. Мы испробовали несколько способов приготовления кокосовых орехов, которые нисколько не улучшали их вкус. Потом мы вынули все свои пожитки из пещеры и устроились там сами, но жизнь там показалась нам неприятной, и мы с радостью вернулись под открытое небо. Кроме того, мы часто купались и много разговаривали – по крайней мере, Джек и Питеркин, я предпочитал слушать. Джек, самый умный и прилежный среди нас, превратил трехдюймовый обруч с весла в отличный нож. Сначала он расплющил обруч топором, потом изготовил грубую рукоять и привязал к ней лезвие обрывком бечевки. Лезвие он заточил о кусок песчаника. Закончив нож, он с его помощью выстругал более изящную рукоять и привязал к ней лезвие полоской ткани, оторванной от носового платка – в ходе этой операции, как указал Питеркин, лорд Нельсон лишился носа. Бечевку, таким образом освободившуюся, Питеркин использовал в качестве лески. Он привязал к ней кусок устрицы и быстро вытаскивал заглатившую наживку рыбу. Но бечевка была очень короткой, а лодки у нас не было, так что рыбешек мы ловили только самых маленьких.

Однажды Питеркин вернулся с берега и сказал самым сердитым тоном:

– Вот что я тебе скажу, Джек. Я больше не желаю ловить этих смехотворных созданий. Я хочу, чтобы ты доплыл до глубины со мной на спине и позволил мне порыбачить там.

– Дорогой мой Питеркин, – ответил Джек, – я и не знал, что ты принимаешь это так близко к сердцу, иначе давно бы тебе помог. Посмотрим, – и Джек взглянул на кусок дерева, над которым трудился, отрешенным взглядом, который означал, что он пытается что-то изобрести.

– Как насчет постройки лодки? – предложил он.

– Слишком долго, – был ответ, – не могу больше ждать. Нужно начать немедленно.

Джек снова задумался и вскоре вскричал:

– Знаю! Мы свалим большое дерево и спустим ствол на воду. Когда ты захочешь порыбачить, ты сможешь просто плыть на нем.

– Может быть, лучше построить маленький плот? – спросил я.

– Намного лучше, но у нас нет веревок. Возможно, позже мы найдем что-нибудь подходящее, но пока предлагаю использовать дерево.

Порешив на этом, мы отправились к известному нам месту неподалеку от лагеря, где рядом с водой росло подходящее дерево. Джек скинул куртку и четверть часа без остановки рубил ствол топором, который так и ходил в его крепких руках. Потом он присел отдохнуть, а я продолжил работу. Потом Питеркин тоже предпринял яростную атаку на дерево, так что, когда Джек, возобновив силы, вернулся к работе, страшный треск послышался уже через несколько минут.

– Ура! – крикнул Джек. – А теперь срубим крону!

С этими словами он снова начал рубить дерево, отступив примерно шесть ярдов с толстого конца. Покончив с этим, он вырубил три коротких прочных шеста в качестве рычагов, чтобы откатить бревно к морю. В толщину оно имело почти два фута, так что без такого приспособления мы бы не справились.

Успешно спустив наше судно на воду, мы вырезали из шестов подобия весел и попытались взойти на борт. Это оказалось несложно, но, когда мы расселись, нам больших трудов стоило удержать бревно, которое вращалось под нами. Не то чтобы мы этого боялись, но все же предпочитали ловить рыбу в сухой одежде. Честно говоря, штаны у нас промокли насквозь, поскольку ноги наши болтались в воде по обеим сторонам бревна, но они легко сохли, так что мы не переживали. Примерно через полчаса мы научились удерживать равновесие. А затем Питеркин отложил весло, наживил на свою леску целую устрицу и бросил ее в море.

– А теперь, Джек, – велел он, – держись подальше от водорослей. Здесь! Осторожнее! Я видел там рыбину не меньше фута длиной. Ха! А вот и она. Черт! Сорвалась.

– Она клюнула? – спросил Джек, ударом весла немного продвигая бревно вперед.

– Ха! Она заглотила, а когда я стал тянуть, просто открыла рот и выплюнула ее!

– Подожди в следующий раз подольше, – сказал Джек, посмеиваясь над грустью Питеркина.

– А вот и она, – воскликнул Питеркин, – смотрите! Да! Нет! Да! Ну же!

– Тяни осторожнее!

Тяжелый вздох показал нам, что у бедного Питеркина опять ничего не вышло.

– Не бери в голову, парень, – сочувственным тоном сказал Джек, – пройдем немного вперед и предложим твою устрицу другой рыбе. – С этими словами он поднял весло, но, не успев его опустить, как рыба с огромной головой и маленьким телом выскочила из-под камня и схватила наживку.

– На этот раз она наша! – орал Питеркин. – Съела все целиком, клянусь! Какая удача!

Когда рыба появилась на поверхности, мы наклонились рассмотреть ее – и опрокинули бревно. В следующее мгновение мы все оказались в воде.

Вынырнув, похожие на трех мокрых мышей, мы рассмеялись и полезли обратно на бревно. В этот раз мы вели себя осторожнее, пока Питеркин вытаскивал рыбу, чуть не сбежавшую за это время. Она оказалась неказистой. Впрочем, как заметил Питеркин, все равно она была куда лучше мальков, попадавшихся нам последние два или три дня. Мы положили ее на бревно и снова закинули леску в воду.

Но тут наше внимание привлекла какая-то рябь на поверхности, в нескольких ярдах от нас. Питеркин предложил грести туда, поскольку предполагал, что это большая рыба, которую мы смогли бы поймать. Но вместо этого Джек сказал таким серьезным тоном, какого я раньше никогда не слышал:

– Сматывай удочку, Питеркин, и берись за весло. Быстро! Это акула.

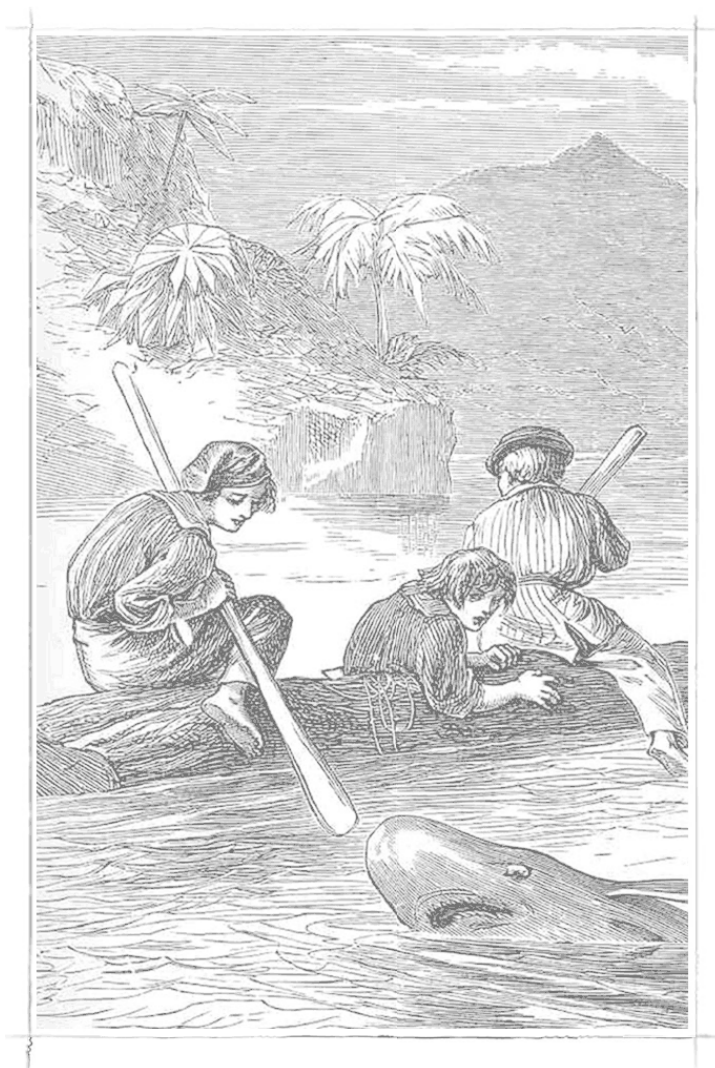
Легко представить себе, с каким ужасом мы встретили эти слова. Не стоит забывать, что ноги наши болтались в воде и мы не могли их поднять, не перевернув бревно. Питеркин мгновенно собрал свои снасти и схватил весло, и мы изо всех сил погребли к берегу. Но мы уже отплыли на порядочное расстояние, а бревно, как я уже упоминал, было очень тяжелым и двигалось медленно. Теперь мы совершенно ясно различали плавающую вокруг нас акулу. Острый плавник торчал из воды. По ее быстрым нервным движениям Джек понял, что она собирается на нас напасть, и кричал нам, чтобы мы гребли скорее, сам подавая нам пример.

– Вот она! – воскликнул он, и мы увидели чудовищную рыбу прямо под собой. Но, очевидно, слаженные движения весел отпугнули ее на этот раз, и она снова закружила вокруг бревна.

– Кинь ей рыбу! – быстро велел Джек. – Если мы ее отвлечем на пару минут, то доберемся до берега.

Питеркин на мгновение перестал грести, чтобы исполнить приказ, а потом схватился за весло с удвоенной силой. Стоило рыбине коснуться воды, как акула ушла на глубину. В следующее мгновение она вынырнула брюхом вверх, поскольку акулы всегда переворачиваются, прежде чем напасть на добычу. Рот у них расположен не на конце морды, как у остальных рыб, а внизу, где мог бы быть подбородок. Гигантские челюсти, вооруженные двумя рядами жутких зубов, раскрылись, и мертвая рыба исчезла. Но Джек ошибся, предположив, что акула удовлетворится этим. Она сразу же вернулась к нам.

– Бросайте грести, – вдруг велел Джек, – она здесь. Выполняйте мои приказы быстро! От этого может зависеть наша жизнь. Ральф, Питеркин, – держите равновесие. Не смотрите на акулу. Не оборачивайтесь. Просто удерживайте бревно.

– Вот она! – воскликнул Джек, и мы увидели чудовищную рыбу прямо под собой.

Мы с Питеркином повиновались, безгранично веря в мужество и мудрость Джека. Несколько секунд, показавшихся мне минутами, мы сидели в тишине, но я не смог удержаться и оглянулся назад, вопреки приказу. Я увидел Джека, сидевшего неподвижно, как статуя, с поднятым веслом и сжатыми губами. Он неотрывно смотрел на воду.

К ужасу своему, я увидел и акулу, несущуюся прямо к ноге Джека. Я едва подавил крик. В следующее мгновение акула бросилась, а Джек выдернул ногу из воды, закинув ее на бревно. Акула ткнулась носом в дерево и раскрыла пасть, куда Джек немедленно вогнал свое весло.

Проделал он это с такой силой, что даже встал на ноги, и бревно немедленно перевернулось опять. Впрочем, мы тут же вынырнули.

– А теперь к берегу! – крикнул Джек, – Питеркин, держись за меня!

Питеркин повиновался, и Джек рванулся вперед, рассекая воду, как лодка. Я, лишенный дополнительного груза, с трудом за ним успевал. Поскольку к этому моменту мы добрались почти до берега, нескольких минут хватило, чтобы выбраться на мелководье. Наконец мы оказались на суше, вымотанные и не на шутку испуганные этим приключением.

Глава VIII

Красоты глубин соблазняют Питеркина нырнуть. – Как мы это сделали. – Новые трудности. – Водный сад. – Любопытные морские создания. – Бассейн. – Нам не хватает свечей. – Находим свечное дерево. – Рассказ о первом плавании Питеркина. – Ткань растет на дереве. – Подготовка плана. – Оружие для защиты и нападения. – Ужасный крик.

Встреча с акулой стала первой большой опасностью, встретившейся нам на острове, и она серьезно нас напугала, особенно когда мы поняли, что часто подвергались этой опасности и ранее, во время купания, сами не зная того. Мы решили отныне рыбачить только на мелководье, по крайней мере пока не построим плот. Сильнее всего огорчил нас вынужденный отказ от длительных утренних заплывов. Мы все продолжали купаться у берега, но я и Джек лишились одного из самых любимых наших развлечений и не могли больше нырять к прекрасным кораллам на дне лагуны. Мы так увлеклись этими экскурсиями и так часто наблюдали за растущими кораллами и рыбками, шныряющими среди красных и зеленых водорослей, что в совершенстве изучили вид всех рыб и места, где они предпочитали жить. Мы оба сделали прекрасными ныряльщиками. Также мы ввели правило никогда не оставаться под водой подолгу. Джек убедил меня, что это дурно для легких, и развлечение может закончиться серьезной болезнью. Так что мы никогда не оставались на дне так долго, как могли бы, а вместо этого часто поднимались наверх глотнуть воздуха и немедленно ныряли обратно. Иногда, когда на Джека находил юмористический стих, он усаживался на большой коралл-мозговик¹⁹, как на табурет, и корчил мне рожи, пытаясь заставить меня засмеяться под водой. Первый раз, застав меня врасплох, он почти преуспел в этом, но впоследствии, когда я разгадал его намерения, мне уже ничего не стоило сохранять спокойствие. Я часто думал, как хотел бы бедный Питеркин присоединиться к нам. Я старался порадовать его, рассказывая о чудесах, которые мы видели, но это только сильнее распаляло его любопытство, так что однажды мы уговорили его отправиться с нами. Но Питеркин, очень храбрый во всех остальных отношениях юноша, боялся воды и никак не мог опуститься на дно без нашей помощи. Но стоило нам нырнуть с ним в чистую глубокую воду всего на ярд, как он начал вырываться, и пришлось его отпустить. Он выскочил из воды, как пробка, закричал и устремился на берег со всей возможной скоростью.

Теперь нам пришлось отказаться от этого удовольствия, и мы с Джеком поникли духом. Питеркин искренне нам сочувствовал и не поддразнивал нас, когда об этом заходила речь.

Однако испытания обычно даются человеку, чтобы он их преодолел, зачастую найдя при этом вещи много лучшие, чем то, чего он лишился, и мы решили поискать среди скал подобие озера, достаточно глубокого для того, чтобы нырять там, но надежно защищенного скалами от акул. И вскоре мы его нашли, и оно превзошло наши самые смелые ожидания. Оно лежало не более чем в десяти минутах хода от лагеря и представляло собой небольшой глубокий залив, вход в который был, во-первых, очень узок, а во-вторых, столь мелок, что ни одна рыба размером с акулу не могла бы туда заплывать, кроме самой тощей.

Мы назвали это место Водным садом. Кораллы там были даже причудливее, а водоросли – красивее и ярче, чем в самой лагуне. А вода оказалась такой чистой и спокойной, что, несмотря на немалую глубину, видны были даже самые мелкие предметы на дне. Кроме того, над самой глубокой частью залива нависал скальный выступ, с которого мы могли прыгать в воду и где мог сидеть Питеркин, наблюдая не только за чудесами, которые я ему описывал, но и над тем, как мы с Джеком возимся на дне, похожие, по его собственному выражению, на «двух огромных белых морских чудовищ». Во время этих путешествий на морское дно мы начали узнавать обычаи его обитателей и открывать такие невероятные вещи, о которых никогда не

¹⁹ Мозговик – коралловый полип.

могли даже подумать. Среди прочего мы очень заинтересовались деятельностью крошечных коралловых рачков, которые, как сообщил мне Джек, построили многие из островов Тихого океана. И в самом деле, когда мы вспоминали огромный риф, окружавший остров, куда забросила нас судьба, и наблюдали, с какой неутомимостью они строят мириады²⁰ своих домиков, это казалось вполне правдоподобным. Но когда я смотрел на горы на острове и думал, что в Южных морях есть еще и повыше, я начинал в этом сомневаться. Но подробнее об этом позже.

Меня заворожили также поведение и внешность актиний²¹, морских звезд, крабов, морских ежей и прочих подобных созданий, и, не удовлетворившись наблюдением за ними в Водном саду, я выдолбил в скале небольшое углубление, заполнил его морской водой и поместил туда разные виды актиний и моллюсков, чтобы узнать, как они ведут себя в разное время. Наше зажигательное стекло сделалось для меня величайшим сокровищем, поскольку я мог с его помощью увеличивать этих любопытных созданий и изучать их.

Устроив себе комфортабельную жизнь, мы вновь стали обсуждать проект, задуманный уже давно, – путешествие по всей окружности острова с целью, во-первых, узнать, нет ли на нем еще чего-нибудь полезного для нас, а во-вторых, поискать место, более удобное для постоянного лагеря. Не то чтобы наш шалаш нас в чем-либо не устраивал – напротив, мы очень привязались к нему и окрестностям – но если на острове есть лучшее место, почему бы не поселиться там? В любом случае нам будет полезно знать о его существовании.

Джек предложил, прежде чем пускаться в путь, как следует вооружиться, поскольку мы собирались не только обойти вокруг острова, но и спуститься в большинство долин. За это время мы, по всей вероятности, должны были встретиться с... он не хотел бы говорить, что с опасностями, но по крайней мере со всем, что водится на этом острове, что бы это ни было.

– Ну а кроме того, – сказал Джек, – сколько можно жить на устрицах и кокосовых орехах? Они, без сомнения, по-своему очень хороши, но, полагаю, немного животной пищи нам тоже не повредит. Поскольку здесь водится множество птиц, и некоторые из них, безусловно, съедобны, нам стоит изготовить луки и стрелы.

– Отменно! – крикнул Питеркин. – Ты сделай луки, а я поработаю над стрелами. Я вообще-то очень устал швырять в птиц камни. Я начал, наверное, в самый первый день и продолжаю до сих пор, но так и не преуспел.

– Ты забыл, что один раз попал мне в ногу, – возразил я.

– Ах да, – ответил Питеркин, – ты еще ужасно рассердился потом. Но ты стоял как минимум в четырех ярдах от нахального попугая, в которого я целился, так что это был не лучший мой выстрел.

– Но, Джек, – сказал я, – ты ведь не сможешь сделать три лука со стрелами до завтрашнего дня. Разве не глупо будет терять время сейчас, когда мы уже настроились на эту экспедицию? Возможно, тебе стоит сделать один лук для себя, а мы возьмем дубинки?

– Верно, Ральф. Уже довольно поздно, и вряд ли я успею сделать лук до темноты. Придется мне работать при свете костра, когда солнце сядет.

К этому времени мы привыкли ложиться на закате. У нас не было нужды работать по ночам, а день наш был занят рыбной ловлей, улучшением нашего жилища, нырянием в Водном саду и прогулками по лесам, так что, когда садилось солнце, мы ложились с радостью. Но сейчас вместе с желанием работать ночью возникла нужда в свечах.

– Тебе хватит света от костра? – спросил Питеркин. – Хватит. Но кроме того, от него будет слишком много тепла, а здесь и так жарко.

– Да, – согласился Питеркин, – об этом я позабыл. – Ну, в этом, положим, нет ничего странного, – заметил Джек. – Но, признаться, я уже думал об этом раньше. На этих островах

²⁰ Мириады – неисчислимое множество.

²¹ Актинии – крупные коралловые полипы, в отличие от большинства других кораллов имеют мягкое тело.

растет дерево, называемое свечным, поскольку туземцы используют его плоды в качестве свечей. Я читал об этом и знаю, как приготовить плод...

– Тогда почему ты этого все еще не сделал? – прервал Питеркин. – Почему мы по твоей милости столько времени просидели в темноте?

– Потому что я пока не встречал здесь этого дерева и не уверен, что узнаю его, если увижу. Видишь ли, я забыл описание.

– А, то есть это не только со мной случается, – вздохнул Питеркин, – я не способен удерживать ни одно описание в голове более получаса. Самое первое мое плавание началось именно с того, что я перепутал описание. Ну или забыл его, что означает то же самое. И это было жуткое путешествие. Я все время дрался с капитаном, а домой отправился вплавь.

– Брось, Питеркин, – сказал я, – неужели ты думаешь, что мы в это поверим?

– Может быть, и нет. Однако это чистая правда, – ответил Питеркин, делая вид, что его обижает мое недоверие.

– Тогда давай послушаем, как это случилось, – сказал Джек с доброй улыбкой.

– Ну, вам следует знать, – начал Питеркин, – что в день перед тем, как уйти в море, я играл в хоккей со своими старыми школьными товарищами. В последний раз. Я был тогда совсем юн, Ральф, – Питеркин меланхолично смотрел на море. – В самый разгар игры появился мой дядя, который взял на себя все заботы по моей экипировке и поиску для меня места юнги, и отвел меня в сторону, где рассказал, что неожиданно вынужден уехать и не сможет отвезти меня на корабль, как намеревался. «Впрочем, – сказал он, – капитан знает о тебе, так что тебе остается только найти корабль. Запомни как следует его название и как он выглядит. Слышишь меня, мальчик?» Я его, конечно, услышал, но, боюсь, не понял. Я мог думать только об игре, поскольку моя команда проигрывала, и стал терять терпение. Когда дядюшка завершил описание корабля и попрощался со мной, я вернулся на площадку, смутно представляя себе три мачты, зеленый транец²² и позолоченную носовую фигуру Геркулеса с палицей и луком. На следующий день я был так занят прощанием с друзьями и рыдающими подругами, что едва не опоздал в порт, где, кроме моего корабля, стояли еще тысячи других. Мне пришлось бежать всю дорогу. У причала виднелось столько мачт, что я совершенно запутался. Вдруг я заметил, что корабль с тремя мачтами и позолоченной носовой фигурой собирается отходить, и бросился на борт. И тут же ринулся обратно, когда понял, что две мачты принадлежат другому судну, а носовая фигура – третьему. Наконец я увидел нужный мне корабль – красивый и большой, он как раз отдавал швартовы²³. Транец у него был зеленый. Три мачты – да, должно быть, это оно – и позолоченная фигура Геркулеса. Строго говоря, в руках у него был трезубец, а не палица, но, вероятнее всего, дядя ошибся. Или Геркулес время от времени менял оружие. «Отдать концы!» – раздался голос с квартердека. «Погодите!» – крикнул я и отчаянно бросился через толпу. «Погодите!» – подхватили зеваки, и швартовщики задержались на минуту. Капитан впал в ярость: несколько его друзей пришли посмотреть на отход, и такого неповиновения приказам он стерпеть не мог! Впрочем, времени мне хватило. Я запрыгнул на борт, концы были отданы²⁴, буксир развел пары, и мы отошли от берега. И тут капитан подошел ко мне: «Ты кто такой, черт бы тебя побрал, и что тебе здесь нужно?»

«Ваш новый юнга, сэр», – отрапортовал я, притронувшись к шляпе.

«Новый юнга! – вскричал капитан. – Все мои парни уже на борту! Обмануть меня захотел, мерзавец?! Откуда ты сбежал?!» Капитан ругался, как дьявол. Сами понимаете, останавливать корабль, спускать лодку и терять полчаса только для того, чтобы отправить мальчишку на берег, ему не хотелось. К тому же ветер дул с берега, так что подойти к буксиру, чтобы

²² Транец – нижняя часть плоской кормы судна.

²³ Швартовы – толстые канаты, которыми корабль крепят к пристани или к другому кораблю во время стоянки.

²⁴ Отдать концы – команда, по которой надо отвязать корабль от причала (то же, что «отдать швартовы»).

оставить меня на нем, было бы нелегкой задачей. Мы как раз подошли к голове мола²⁵, и нам навстречу гребли несколько лодок, так что капитан подошел ко мне снова:

«Ты откуда-то сбежал, сволочь», – сказал он, взяв меня за ухо.

«Нет!» – отчаянно крикнул я, поскольку рука у него была не из легких.

«Умеешь плавать, парень?»

«Да, сэр».

«Ну так плыви», – с этими словами он поднял меня и швырнул прямо в море. Парни в лодках, увидев это, хотели было меня спасти, но, убедившись, что я умею плавать, позволили мне доплыть до пирса самостоятельно. Так что видишь, Ральф, из первого своего выхода я вернулся вплавь.

Джек рассмеялся и хлопнул Питеркина по плечу.

– Расскажи лучше о свечном дереве, – попросил я. – И правда, – согласился Джек, – но, боюсь, я мало о нем помню. Плод у него примерно размером с грецкий орех, а листья, кажется, белые, но я не уверен.

– Хм, я только сегодня видел точь-в-точь такое дерево, – сказал Питеркин.

– Неужели? – воскликнул Джек, – далеко?

– Не будет и полумили.

– Тогда отведи меня туда, – сказал Джек, берясь за топор.

Через несколько минут мы, ведомые Питеркином, прокладывали себе путь через подлесок. Скоро мы пришли к искомому дереву. Джек, тщательно обследовав его, заключил, что это в самом деле то, что мы ищем. Листья у него были прекрасного серебристо-белого цвета, приятно контрастировавшего с темно-зеленой листвой вокруг. Мы набили карманы его плодами, а потом Джек велел:

– А теперь, Питеркин, заберись-ка на кокосовую пальму и срежь мне одну из тех длинных ветвей.

И это было сделано, хотя и не без трудностей. Пальма оказалась очень высокой, а Питеркин привык собирать орехи с молодых деревьев и не умел карабкаться по более высоким стволам. Лист пальмы был очень большим, и нас поразили его размер и прочность. Даже с небольшого расстояния кокосовая пальма кажется высоким стройным стволом без единой ветки на нем, за исключением кроны, где развевается на ветру целый пук листьев, напоминающих перья. Но увидев этот лист у себя под ногами, мы узнали, что это прочная ветвь длиной не менее пятнадцати футов, со множеством узких заостренных листьев по обеим сторонам. Но сильнее всего нас поразило странное вещество, напоминавшее ткань, покрывавшее толстый конец ветви там, где она была отрезана от дерева. Питеркин сказал нам, что из-за этого вещества было очень трудно отделить ветку от ствола, поскольку оно покрывает весь ствол и, насколько он мог увидеть, все ветви, поддерживая их при сильном ветре. Назвав это вещество тканью, я не преувеличил. О чем бы я ни говорил, рассказывая о своих плаваниях в Южных морях, я прилагаю все усилия, чтобы ничего не преувеличить и никоим образом не ввести читателя в заблуждение. Эта ткань более всего походила на грубый коричневый хлопок. Внизу по центру было что-то вроде шва, от которого отходили волокна размером с сапожную иглу. Наискось шел второй слой волокон, таких же длинных и прочных, а расстояние между ними заполняли более тонкие волокна и какое-то клейкое вещество. Трудно было представить, что это соткано не человеческими руками. Мы осторожно оторвали этот кусок ткани, имевший два фута в длину и фут в ширину, и отнесли этот трофей домой.

Джек к тому же вырезал из листа центральную жилку. Вернувшись в лагерь, он разжег небольшой костер, запек на нем плоды и снял с них кожуру. Потом ему понадобилось просвер-

²⁵ Мол – сооружение в виде высокого длинного вала, примыкающего одним концом к берегу у входа в порт для защиты судов от морских волн.

лить в них отверстия, и, не имея под рукой ничего более удобного, он воспользовался нашим бесполезным футляром для карандаша. Пропустив через отверстие жилку кокосового листа, он зажег ее, и наша свеча загорелась чистым красивым пламенем, при виде которого Питеркин вскочил и приплясывал вокруг огня целых пять минут.

– Ну что же, парни, – сказал Джек, затушив свечу, – солнце сядет через час, так что не будем терять времени. Я пойду за молодым деревцем, из которого можно будет сделать лук, а вы поищите хорошие прочные ветки для дубинок. Доделаем их, когда стемнеет.

С этими словами он вскинул на плечо топор и ушел вместе с Питеркином. А я взял кусок найденной нами ткани и принялся изучать, как она устроена. Это занятие так меня увлекло, что к моменту возвращения моих товарищей я все еще сидел на том же месте.

– А я говорил, – воскликнул Питеркин с громким смехом. – О, Ральф, ты безнадежен. Вот твоя дубинка. Я был уверен, что, оставив тебя над этой тряпкой, мы застанем тебя в той же позе, вернувшись, поэтому я просто вырезал дубинку и для тебя.

– Спасибо, Питеркин, – ответил я. – Так мило с твоей стороны было сделать это для меня, а не называть меня лентяем, чего я, безусловно, заслуживаю.

– Если ты об этом, я готов назвать тебя как тебе угодно, вот только это будет бесполезно.

Поскольку уже темнело, мы зажгли нашу свечу и поставили ее в подсвечник из двух веток, сели на свои постели из листьев и принялись за работу.

– Я хочу сделать лук для себя, – сказал Джек, обстригая принесенное деревце топором, – когда-то я отлично стрелял. Но что ты делаешь? – спросил он, глядя на Питеркина, который заострил конец длинного шеста и пытался прикрепить к нему кусочек железа.

– Думаю вступить в копейщики, – ответил тот. – Видишь ли, я решил, что дубинка – крайне неудобный инструмент для моих пока еще не развитых мускулов, и я полагаю, что с копьем справлюсь лучше.

– Ну, если сила зависит от длины, ты будешь непобедим.

Питеркин принес с собой очень прочное, но тонкое молодое деревце длиной двенадцать футов, почти не требующее дополнительной обработки.

– Отличная идея, – сказал я.

– Эта? – поинтересовался Питеркин, указывая на свое копьё.

– Да.

– Пф! Если бы я ткнул тебя в живот, ты бы сразу решил, что идея самая практическая.

– Я имел в виду, что ты умно придумал сделать копьё, – сказал я со смехом. – И я теперь тоже последую твоему примеру. Дубинки мне не слишком нравятся, так что я сделаю пращу²⁶ из этого куска материи. В детстве я очень этим увлекался, когда прочитал, как Давид убил Голиафа.

Поэтому я стал делать пращу. Долгое время мы работали в молчании, потом Питеркин поднял голову.

– Прости меня, Джек, я вынужден просить тебя оторвать еще полосу от твоего носового платка. Он уже совсем рваный, так что вряд ли ты будешь по нему скучать.

Джек выполнил его просьбу, но Питеркин внезапно остановил его руку.

– Эй, – сказал он, – поосторожнее. Необязательно проявлять бессмысленную жестокость. Постарайся не разорвать лорду Нельсону рот, если сможешь! Спасибо. На кокосовых пальмах растет еще множество носовых платков.

Бедный Питеркин! С каким удовольствием я вспоминаю сейчас его шутки!

Пока мы переговаривались таким образом, нас вдруг напугал странный и жуткий крик в отдалении. Казалось, что он шел с моря, но расстояние было так велико, что мы не могли

²⁶ Праща – метательное холодное оружие, представляющее собой веревку или ремень, один конец которого свернут в петлю.

определить направление. Выбравшись из шалаша, мы побежали к берегу и остановились там, прислушиваясь. И крик повторился, громкий и ясно слышимый в ночном воздухе – долгий и отвратительный, напоминающий ослиный. Луна уже взошла, и в ее свете мы видели острова в лагуне, но на них никого не было. Пронесся внезапный порыв ветра, но тут же утих, пока мы смотрели на море.

– Что бы это могло быть? – шепотом спросил Питеркин, а мы все невольно прижались ближе друг к другу.

– Честно говоря, – ответил Джек, – я уже слышал этот звук дважды, но никогда – так громко. На самом деле он был таким слабым, что я полагал, будто мне послышалось, и не хотел вас тревожить.

Мы прислушивались еще долго, но больше ничего не услышали, так что в итоге вернулись в шалаш и возобновили работу.

– Очень странно! – сказал Питеркин замогильным тоном. – Ральф, ты веришь в привидения?

– Нет. Не верю. Но в любом случае должен признаться, что странные и непонятные звуки заставляют меня нервничать.

– А ты, Джек, что скажешь?

– Я не верю в привидения и не нервничаю, – ответил он, – я никогда не видел привидение своими глазами и не встречал никого, кто бы видел, и я давно понял, что странные и непонятные вещи обычно оказываются очень простыми при ближайшем рассмотрении. Я, разумеется, не представляю, что это за звук, но вполне уверен, что вскоре найду его источник, и если это окажется привидение, я... я...

– Съешь его! – крикнул Питеркин.

– Хорошо, съем. Впрочем, мой лук и две стрелы уже готовы, так что если вы тоже все сделали, лучше нам заканчивать.

К этому моменту Питеркин заострил свое копьё и очень умно приделал к нему железный наконечник, я сделал пращу из тонких полос кокосовой ткани, ну а Джек смастерил лук длиной почти пять футов и две стрелы с большими перьями на одном конце, которые иногда роняли птицы. Наконечников у них не было, но Джек сказал, что если на стреле есть перья, ей не нужен железный наконечник, она и так полетит, куда следует, если ее только немного заострить на конце.

– Стрела с оперением, но без наконечника, – сказал он, – хорошее оружие, а вот стрела с наконечником и без оперения почти бесполезна.

Тетива лука была сделана из нашей бечевки, часть которой Джек намотал на лук, не желая ее резать.

Подготовившись к походу, утром мы решили, что разумнее будет потратить некоторое время на упражнения с нашим новым оружием, так что весь следующий день мы практиковались. И это было очень верное решение, поскольку мы обнаружили, что оружие наше далеко от совершенства. Во-первых, Джек узнал, что лук его слишком туг, и сделал его более тонким. Копьё оказалось слишком тяжелым, и, поскольку Питеркин ни в какую не соглашался обрезать его, пришлось уменьшать его толщину. Праща моя вышла недурно, но я не практиковался столько времени, что первый же пущенный камень сбил шляпу с Питеркина, едва не сделав его новым Голиафом²⁷. Однако, проведя целый день за упражнениями, мы обнаружили, что бывшие навыки возвращаются. По крайней мере, я и Джек. Питеркин же от природы был ловок и вскоре уже отлично обращался со своим копьём, поражая кокосовую пальму не реже одного раза из пяти.

²⁷ То есть чуть не убив его. Историю про убийство Голиафа можно прочитать в Библии (Ветхий Завет).

Я чувствовал, что своими успехами мы обязаны неиссякающей энергии Джека, который, с тех пор как мы назначили его капитаном, настаивал, чтобы мы подчинялись его приказам, и заставлял нас упорно работать от зари до зари. Питеркин жаждал просто бегать и тыкать копьем во что попало, но Джек указал ему кокосовую пальму и не отпускал его, за исключением мгновений краткого отдыха. Мы смеялись над Джеком, но чувствовали, что многим ему обязаны.

Вечером мы проверили и починили свое оружие, несмотря на усталость, чтобы с первыми лучами солнца выдвинуться в путь.

Глава IX

Подготовка к путешествию вокруг острова. – Размышления. – Таинственные и потрясающие происшествия.

Едва первый луч солнца коснулся широкой груди Тихого океана, как Джек вскочил на ноги и, крикнув Питеркину в ухо, чтобы тот вставал, побежал к пляжу для обычного утреннего купания. Мы не стали купаться в нашем Водном саду из экономии времени, а просто окунулись на мелководье рядом с лагерем. С завтраком мы также расправились, не теряя времени, и не прошло и часа, как наши приготовления к путешествию были завершены.

В добавление к своей обычной одежде Джек обвязал вокруг пояса полосу кокосовой ткани, за которую заткнул топор. Мне он также посоветовал изготовить себе пояс и привесить на него короткую дубинку, поскольку, как верно заметил Джек, при близком знакомстве с дикими животными от пращи будет мало толку. Питеркин же, несмотря на то что нес на плече длинное и, надо заметить, весьма угрожающе выглядящее копье, отказался оставить дубинку в лагере, сказав, что копье на близком расстоянии и гроша не стоит. Должен сказать, пользуясь его же словами, дубинка не стоила даже ломаного гроша. Она была узловатой, как дубинка Джека Победителя Великанов, которую я видел в книжке с картинками. Кроме того, она оказалась столь тяжела, что Питеркин мог управляться с ней только обеими руками. Однако он взял ее с собой, и, снаряженные таким образом, мы отправились в путь.

Мы не стали брать с собой никакой провизии, поскольку везде на острове росли кокосовые пальмы, которые, как говаривал Питеркин, обеспечивали нас и мясом, и водой, и носовыми платками. Впрочем, я сунул в карман зажигательное стекло на случай, если мы решим развести огонь.

Стояло тихое прелестное утро, когда все звуки кажутся спокойными (я не знаю, как еще выразить эту идею). Эти звуки, будучи не в состоянии нарушить вечный покой земли, неба и моря, подчеркивают, как тих на самом деле мир вокруг нас. Я слышал меланхоличные – но все же казавшиеся мне радостными – вопли морских птиц, плывущих по спокойной воде или парящих под облаками, тихое щебетание птишек в кустах, нежный шелест прибоя и редкие удары волн о коралловый риф. Какой радостью наполнялись наши сердца при мысли, что мы идем по песку все вместе. Радость моя была столь велика, что я удивился ей и впал в размышления о ее причинах. Я пришел к выводу, что состояние абсолютного мира и покоя, как во внешнем мире, так и в душе, есть самая счастливая ситуация для человека. Хотя я многократно испытывал счастье от шумных, суетливых занятий и развлечений, удовлетворение от них никогда не было столь полным и глубоким, как то, что я испытывал сейчас. Я еще больше уверился в своих выводах, когда увидел – и услышал от него самого, – что Питеркин так же счастлив. Однако, вопреки своему обыкновению, он не стал танцевать или кричать от радости, а тихо шел между нами с улыбкой на устах. Читателю не следует думать, что мои размышления были так же стройны и последовательны, как их изложение на бумаге. Напротив, мысли мои были туманны и неопределенны, поскольку я тогда был юн и не склонен к глубоким размышлениям. Я тогда не ведал, что такого умиротворения, о каком я пишу, нельзя найти в мире, – хотя с тех пор я узнал, что религия позволяет в большой степени к нему приблизиться.

Я упомянул, что Питеркин шел по песку между нами. Обыкновенно мы передвигались по острову одним из двух способов. Пробираясь по лесу, мы шли друг за другом, что позволяло нам быстрее продвигаться вперед. В таких случаях Джек всегда шел первым, за ним Питеркин, а я следовал замыкающим. Но если под нашими ногами сверкал белый песок, мы шли плечом к плечу, находя этот способ намного более приятным. Джек, как самый высокий, шел со стороны моря, а Питеркин вставал между нами, что позволяло ему обращаться к каждому из нас, а нам – к нему. Если мы с Джеком хотели заговорить друг с другом, то легко переговаривались

через голову Питеркина. Питеркин говорил, что, будь он так же высок, как мы с Джеком, наш порядок при ходьбе остался бы неизменным. Джек часто бранил его за то, что любые слова влетают у него в одно ухо и вылетают из другого, так что его голова, без сомнения, не могла бы помешать нашей беседе.

Примерно через полмили лагерь скрылся из виду за поворотом, и некоторое время мы молча шли вперед, подмечая вокруг – в лесу, на берегу и в море – интересные детали. Миновав гребень нашей долины – Долины кораблекрушения, – мы нашли за ней другую небольшую долину с пышной тропической растительностью. Мы видели ее и раньше, с вершины холма, но не подозревали, какой прелестной она окажется вблизи. Мы собирались было исследовать ее, когда Питеркин остановил нас и указал нам на какой-то предмет дальше по берегу.

– Как по-вашему, что это? – спросил он, наклоня свое копье, как будто собираясь немедленно атаковать неведомый предмет, хотя до него оставалось не менее полумили.

При этих словах над скалами поднялся белый столб, состоящий как будто из пыли или брызг. Взлетев на высоту нескольких футов, он исчез. Если бы это случилось рядом с морем, мы не были бы удивлены, предположив, что это прибой. В этой части острова коралловый риф подходил так близко к берегу, что они почти сливались. Но белый столб вырос на расстоянии пятидесяти ярдов от берега. Не успели мы как следует удивиться, как еще один столб появился не несколько секунд и исчез. И зрелище это повторялось с долгими нерегулярными интервалами. Мы убедились, что эти столбы состоят из воды или пены, но так и не сумели понять, что стало причиной их появления, так что мы решили подойти поближе.

В несколько минут мы достигли этого места, покрытого крутыми, скользкими от воды камнями. Нам пришлось приложить множество усилий, чтобы пройти, не замочив ног. В земле тут и там виднелись дыры. Замерев в ожидании новой водной струи, мы слышали странный низкий звук, быстро перешедший в бульканье и шипенье. В следующий миг струя воды вырвалась из отверстия в камне и яростно рванулась вверх, едва не задев нас с Джеком. Мы отпрыгнули, но облако брызг все же промочило нас насквозь.

Питеркин стоял поодаль, так что его не замочило, и при виде нашего плачевного положения он разразился смехом.

– Разуйте глаза! – крикнул он. – Еще одна идет! – не успел он произнести эти слова, как еще один столб снова окатил нас с ног до головы.

Питеркин зашелся от смеха, но его веселье было прервано шипением, донесшимся из-под земли у него под ногами.

– Интересно, где оно появится в этот раз? – спросил он как бы между прочим, тревожно оглядываясь. Внезапно раздался громкий всхрип, и гигантский водяной столб вылетел из земли прямо между ног Питеркина, сбив его с камней. Мы испугались даже, что он мог сломать себе ногу, и бросились ему на помощь. Но, к счастью, он упал прямо на кучу водорослей, где и лежал в самой неуклюжей позе.

Настала наша очередь смеяться, но мы не знали точно, не ранен ли он, и понятия не имели, где и когда покажется следующая струя, так что помогли ему встать и ретировались оттуда.

Здесь я должен добавить, что, хотя совершенно ясно видел, что водяная струя была очень сильной и сбива Питеркина с ног, я не знаю точной высоты, на которую она его подняла, поскольку сильно испугался и был частично ослеплен водяной пеной.

– И что теперь делать? – горько спросил Питеркин. – Развести костер, парень, и высушить одежду, – ответил Джек.

– А вот и дрова, – прибавил я, поднимая сухую ветку, поскольку бежали мы к лесу.

Примерно через час после этого происшествия наше платье совершенно высохло. Пока оно висело над огнем, мы отправились на берег и вскоре обнаружили, что водяные струи вылетают из земли вскоре после прихода большой волны, но никогда до нее, и что их вызывает

только по-настоящему большая волна. Мы заключили, что в скалах проходит подземный канал, из которого нет другого выхода, кроме маленьких отверстий в земле, и сила волны выбрасывает воду на большую высоту. Мы не смогли найти ни одной вероятной причины для этого явления, за исключением этой, простой и правдоподобной, так что мы на ней и остановились.

– Как думаешь, Ральф, что это там в воде? Не акула? – спросил Джек, когда мы уже собирались уходить оттуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.